

Милла
Бачурова

Заложники Олифа

Мастрид

Мила Бачурова
Заложники солнца

«Дримбук»

2020

УДК 82-344
ББК 83.3(2Дѣ=Дóѣ)6

Бачурова М.

Заложники солнца / М. Бачурова — «Дримбук»,
2020 — (Мастрид)

ISBN 978-5-00155-100-3

Мир, в котором солнечные лучи сделались смертельно опасными. Мир, в котором перестали рождаться дети. Мир, в котором каждый поселок — автономное государство со своей властью и своими законами. Здесь выживает сильнейший. Здесь прав тот, кто выстрелит первым. Твои ровесники выросли, считая рассказы о старом мире глупыми сказками. Далеко не все из них умеют читать и писать. Ты самый слабый среди них, но самый сильный среди тех, кто выжил, цепляясь за умирающие технологии прошлого. Ты — не умеющий держать оружие, воспитанный на идеалах гуманизма, не знавший ни боли, ни предательства. Последняя надежда тех, кто выжил. Твой путь начинается здесь и сейчас. Твой долг — дойти до цели.

УДК 82-344
ББК 83.3(2Дѣ=Дóѣ)6

ISBN 978-5-00155-100-3

© Бачурова М., 2020
© Дримбук, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	43
Глава 7	50
Глава 8	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Мила Бачурова

Заложники солнца

© Чубарова Л. А., 2020

© ООО «Яуза-Каталог», 2020

Пролог

– Ты – последний из последних. И ты обязан дойти.

– Угу.

Мир изменился. Человеческая раса в опасности. На земле больше не рождаются дети. Он – последний из последних, родившихся до того, как все случилось... Кирилл украдкой подавил зевок. Столько раз слышал эти слова, что выучил даже интонацию, с которой они произносились. Скучно кивнул. И спросил о том, что действительно беспокоило:

– А адапт? Он тоже уже здесь?

– Конечно. Завтра познакомитесь. Держись, мой мальчик. – Сергей Евгеньевич потрепал Кирилла по волосам. – Отдыхай, перед походом тебе нужно набраться сил. Спи.

Кирилл проводил наставника взглядом. Подождал – взрослые люди коварны. А потом включил ночник и развернул на коленях чистый блокнот. Поставил дату.

«Завтра – начало великой миссии», – вывел первую строчку.

До сих пор ведением дневников не увлекался, но событие такого масштаба обязывало. Все уважающие себя путешественники вели дневники. Подумал, зачеркнул и написал: «Великой Миссии».

«Я готов к любым тяготам и лишениям. Что бы ни случилось, я...» – задумался, как бы по красивее написать.

«Отдам свою жизнь, хотя она...»

Так слишком длинно получится.

«Отдам свою жизнь, несмотря на то, что...»

На что – на то?

Кирилл вдруг почувствовал, что ручка выскальзывает из пальцев. Взрослые снова оказались хитрее.

Интересно, что за травы были в чае, которым его угостили перед сном? Зверобой?... Сон-трава?... Или...

Кирилл не додумал. Ручка выпала, а блокнот соскользнул под кровать.

– Спи, Кирюша. – Сергей Евгеньевич заставил себя отвернуться от монитора. – Спи... Когда-то еще будешь так сладко спать.

Глава 1

Бункер

Проснувшись, Кирилл сразу увидел будущего напарника. Адапта.

Не сказать, чтобы раньше не встречал адаптов, они еженедельно привозили в Бункер продукты. Вадим Александрович пошутил как-то, что внешность их напоминает негативы старинных фотографий, и Кирилл немедленно полез выяснять, что такое «негатив». Тогда он над остроумным сравнением похихикал. Сейчас хихикать почему-то не хотелось.

Вблизи широко расставленные глаза адапта оказались светло-желтыми. Кожа – бурой, словно древесная кора, белые волосы – густыми и жесткими. Нос, должно быть, неправильно сросся после перелома – с заметной горбинкой, а брови напоминали два мазка побелки.

Адапт сидел по-турецки, поджав под себя ноги. Гардероб его состоял из застиранной майки, камуфляжных брюк и повязки на голове. На Кирилла будущий попутчик смотрел с недоумением.

– Офигеть – чучело, – низким, хрипатым голосом озвучил свои мысли он.

Так разговаривали все адапты, как будто были сильно простужены. Любовь Леонидовна утверждала, что это от ранней привычки к курению. Кирилл решил не обращать внимание на оскорбление – что возьмешь с варвара. Адапты ведь почти ничему не учатся, работают с малолетства.

– Меня зовут Кирилл.

– Да ладно? – не поверил парень. – Далеко зовут-то?

Кирилл, ожидавший, что собеседник тоже назовется, растерялся и замолчал.

Адапт немного посидел, разглядывая его, а потом вдруг одним быстрым движением оказался на ногах. Шагнул к Кириллу. Взял за плечо и поднял с койки.

Кирилл попытался вывернуться, но куда там! Пальцы варвара, похоже, ковали из железа. Он отодвинул Кирилла от себя, разглядывая с ног до головы. На писк: «Пусти, что ты делаешь!» – не отреагировал. Покачал туда-сюда. Помесил пальцами жидкий бицепс. Для чего-то потрогал за волосы – длинные, волнистые, Кирилл гордился ими. После чего отпустил, сплюнул в сторону и вышел.

– Але! – мгновение спустя донесся из коридора сиплый недовольный голос. – Живые есть?

* * *

– Дядя, ты прикалываешься? – уже со злостью повторил Рэд. – Никуда я с этим чмом не пойду! Оно ж не то что до Новосиба – до сортира не доползет! Ты неужто сам не видишь?

Сказать, что командир отряда был зол, означало ничего не сказать.

Целую неделю бункерные извращенцы гоняли его на полигоне. Потом заставили в бумажках чиркать – вопросов сто, не меньше – потом кровь вытягивали иголкой, проводами облепили – так, что в ушах тикало...

Рэд терпел, даже почти не ругался – знал, что под землей с этим строго.

Герман сказал, что так надо, он и терпел. Не раз представлял себе будущего напарника, не знал, на кого и думать.

Ну, например, та, кучерявая, которая провода к нему клеила. Ничего так тетка – не старая, и на вид вроде крепкая. Вполне могла бы она пойти вместо этого уродца. Да вообще кто угодно – сейчас Рэду казалось, что на худой конец и Вадя сошел бы. Но это чучело! Где его только прятали?

Глаза с ушами Рэд привык держать открытыми. Думал, что всех обитателей Бункера видел. И на тебе...

– Не пойду, – отрезал он. – Выпускайте, мне пора. Обоз ждет.

Вадя вздохнул.

– Позволь напомнить – обоз ждет не только тебя! Он ждет вас обоих. Но ты меня слушать не желаешь, и из-за твоего упрямства приходится терять драгоценное время... Что ж, будем менять способ воздействия. Сиди здесь. – И вышел.

Рэд вскочил было следом, но поздно – умник запер дверь. Рэдрик хмыкнул. Дверь-то – плевая, не доски даже, а фанера. И замок – одно название, с полпинка вынести можно... Но решил пока не кипишить. Во-первых, за вынесенную дверь точно по головке не погладят. Во-вторых, вряд ли это надолго. Вернется Вадя, никуда не денется. Интересно даже, что еще придумает.

Но очкастый перехитрил. Он ничего больше не говорил, только слушал и кивал. А говорил другой человек, которого Вадя привел с собой – и лучше бы уж Рэд согласился сразу. Герман-то его с пеленок знал, насквозь видел.

– Я думал, ты в свою башку не только жрать можешь, – сердито ронял Герман. – Думал, соображаешь хоть чуть-чуть! Или ты считаешь, тут умней тебя никого нет? Не видит никто, что пацан – совсем дохлый?

Рэд молчал, набычившись, но Герман ответа и не ждал.

– Он такой – всего один, и другого взять негде, ясно? Взрослому не дойти, тебе ли не знать. А из молодых этот – лучший, другие еще слабее. Вовсе на поверхность выйти не смогут.

О как, – подумал Рэд. Стало быть, тут еще и «другие» есть? То есть, молодняк свой бункерные прячут, получается? Странно... На хрена?

– Так их тут, значит, много?

– Сколько надо, – отрезал Герман. – Не твое дело! Твое дело – пацана довести. Меня спросили, кто лучше всех справится, и я сразу про тебя сказал. А ты истерики закатываешь, хуже бабы.

Рэд обиделся.

– Можно подумать, из-за себя дергаюсь! Ты этого убогого – видал хоть?

– Видал... Говорю тебе, остальные еще хуже. Рэд. – Герман пересел на койку к воспитаннику. – Я потому тебя и выбрал. Что сам дойдешь, не сомневаюсь, вот только дойти – не тебе нужно. Этого хлюпика уберечь надо и назад в Бункер притащить. Сколько у тебя походов? Двадцать?... Больше?...

– Двадцать три. Больше всех, – не удержался Рэд.

– А сколько вас погибло? Сгорело, от ран умерло, Дикие убили?

– Не знаю, не считал.

– Во-во... А я считал! – взгляда Германа Рэд не выдержал, отвел глаза. – Я каждого помню. Мы вас вытащили пятнадцать лет назад и в Дом привели – почти сто человек! И двадцать семь в первый же год погибло. Это потом уже и Бункер нашли, и лекарства появились. Когда я вас стал в походы брать, только в бою да в завалах гибли... Но никто не сгорал. Сейчас вас шестьдесят четыре – с теми, кто потом прибил. И я за каждого голову положу, сам знаешь.

Рэд кивнул. Он знал. И любой у них в Доме знал. Что лучше Германа нет на свете человека. Рэд вдруг разглядел, как сильно выгорел командир – хотя вот уж года три, а то и больше, в походы с ними не ходил.

* * *

– А мне нельзя выбрать другого проводника? – Кирилл с надеждой смотрел на Сергея Евгеньевича. – Не такого... агрессивного?

Наставник покачал головой.

– Боюсь, что нет. Этот парень – решение Германа, не наше. Кроме того, не уверен, что другой адапт повел бы себя при знакомстве иначе.

– Хотите сказать, что Герман никого из них даже здороваться не учил? Только за плечи хватать да плевать?

– Кирюша... – Сергей Евгеньевич вздохнул. – Я ведь предупреждал. Не жди от адаптов того же уровня воспитания, что дали вам мы. Этих ребят растил Герман. А он не педагог и становиться им отнюдь не собирался.

– Знаю. Он спортсмен.

– Вот именно. Всю жизнь в хоккей играл, а не учебники штудировал. Это во-первых, а во-вторых – в день, когда все случилось, Герману всего-то семнадцать лет было.

– Как мне сейчас?

– Точно.

– Но вы ведь рассказывали, что и другие взрослые у них в Доме выжили? Когда все случилось?

– Поначалу – да. А потом...

Вспоминать первые страшные годы взрослые не любили, рассказывали о них скупое. Кирилл знал лишь то, что в Доме Малютки – так называлось обиталище будущих адаптов – в день катастрофы Герман оказался случайно. Зашел к матери, работавшей в этом самом Доме завхозом.

Мать на заднем дворе принимала у доставщиков продукты. А Герман шел по коридору, направлялся к канцелярии – хотел попросить, чтобы для него распечатали какой-то документ. Потянул за ручку двери и в этот момент все случилось.

Полыхнуло нестерпимо-ярким светом – катастрофу все взрослые описывали одинаково – он ослеп и упал.

Мать Германа погибла. Как и весь почти персонал Дома Малютки. А дети выжили – кроме тех, чьи кровати стояли под самыми окнами. Всего набралось девятнадцать взрослых на сотню малышей. Не стонущих от ожогов и не ослепших – восемь.

Из трехэтажного панельного здания выжившие перебрались в другой Дом, старинный монастырь у «святого» источника, поближе к природной воде. А через месяц у ворот Института появилась девушка по имени Гюзель – до того, как все случилось, работавшая в Доме Малютки посудомойкой. Она легче всех соратников переносила наступившую вокруг удушливую жару.

Посланица пробиралась к Институту не одну ночь. И в последнюю не рассчитала силы.

«Если бы я не был убежденным агностиком, – горько вывел тогда в дневнике Сергей Евгеньевич, – я бы решил, что человеческий род прокляли».

Увиденное сутки назад изображение девушки с растрепанной косой, отчаянно вцепившейся в прутья ворот – за тем, что происходит на поверхности, следили бункерные камеры, – до сих пор стояло перед глазами.

Со стороны здание Института выглядело таким же мертвым, как прочие вокруг, о существовании под землей Бункера Гюзель не знала. Сложно сказать, на что она надеялась, распахивая запертые ворота.

«Помогите! Милосердный Аллах, вы не умерли! Вы не должны умереть! Помогите!» – за спиной у девушки страшно и неотвратимо наливалось рассветом небо.

Спасти отважную посланицу не удалось: Гюзель умерла от ожогов через три часа в бункерной клинике.

Сергей твердо знал, что вслух эти слова не произнесет никогда. Он не должен так говорить и не должен так думать. А бумага... Что ж. Бумага все стерпит.

«... Чем больше мы узнаем о новом мире, тем все более хочется отвернуться и забыть то, что узнали. Исчезнуть и не возвращаться никогда. Зажмуриться, пропасть...

Каждое новое знание приносит новые загадки. То, что происходит, противоречит всем доселе известным биологическим законам! Дело ведь не только в излучении. Вспышка была и закончилась. Солнечный спектр после этого изменился – пусть... Но почему излучение действует столь избирательно?

Почему большинство животных, в первые дни слепнувших и страдавших от ожогов не меньше людей, сейчас адаптировались к новым условиям и прекрасно себя чувствуют?

Почему лопухи начали догонять по росту молодые деревья, а корнеплоды в размерах не изменились?

Почему так плохо растут зерновые, в то время как сорная трава колосится лучше прежнего?

Почему, наконец, в первую очередь солнце убило взрослых – здоровых и сильных, а уцелели дети – слабые и беззащитные? Вопреки всем законам природы – почему?!

Что не так со взрослыми людьми? Отчего на них внезапно обрушиваются болезни? Судя по словам Гюзели, безобидная аллергия переходит в астму. Невинные родинки оборачиваются злокачественными опухолями. Из девятнадцати выживших в их общине взрослых сейчас осталось четырнадцать. Пятеро умерли в течение месяца, двое тяжело болеют – Григорий предполагает, что это рак... Откуда такая напасть?...»

Записывая это, о главном кошмаре человеческого рода – необъяснимом сбое репродуктивной функции – Сергей еще не знал.

Глава 2

Дом

Мало кто из адаптов мог похвастаться тем, что помнит кого-то из своих спасителей, кроме Германа и Кати.

Катя – студентка педучилища, в Доме Малютки проходившая практику – погибла на седьмой год. Не от ожогов и не от болезни – монастырские жители осмелели, начали выбираться далеко за пределы освоенных территорий и однажды наткнулись на ожидающих в засаде Диких. Рэд хорошо помнил Катю. Она была доброй и веселой. И Герман тогда умел смеяться, а после Катиной смерти разучился.

Инна, ветеринар из соседнего поселка, приглашенная восемь лет назад, чтобы помочь ожеребиться кобыле, тоже была доброй и веселой. В Доме у адаптов она задержалась, осталась жить с ними. Ребята Инну любили и слушались, но, конечно, настоящим командиром был Герман. Он все знал и все умел. Если чего-то вдруг не знал, говорил: надо подумать. И всегда придумывал.

Герман лечил их ожоги и ссадины, вырывал молочные зубы, разнимал драчунов и успокаивал плакс. Заставлял будущих адаптов умыться и следить за одеждой. Учил стрелять и готовить еду. А еще интересно рассказывал, как жили люди до того, как все случилось – если, конечно, время было.

В Бункере об этом тоже рассказывали, но совсем не так, как Герман. У командира выходило, что раньше жизнь была куда круче, чем сейчас. А послушать Люлю или Евгеньича – горела бы она огнем, такая жизнь. По их словам, получалось, что нужно было каждый день, кроме двух выходных, ходить в школу. Десять лет подряд! Да сидеть там с утра до обеда, а то и дольше. Бред. Кто ж работал-то, интересно, пока все по школам штаны протирали? Эдак и с голоду помереть недолго.

«Работали взрослые, – поддернув вечно сползающие очки, разъяснила Рэду Люля, бункерная педагогиня, адаптами горячо и дружно ненавидимая. – Сколько можно повторять? До того, как все случилось, дети учились в школе и слушались старших! Это было их основной обязанностью. Понятно?»

«Понятно», – пробурчал Рэд.

Хотя ни хрена он не понял. Неужели взрослых было так много, что детям можно было вообще не работать? По словам Люли, тогда почти у каждого ребенка было целых два собственных взрослых: мать и отец. Еду они брали в «магазинах», в полях и огородах вкалывали только специальные люди. Электричества было полно, им же и дома отапливались. Ни тебе сухостой валить, ни дрова рубить. И вода из кранов текла какая угодно – хоть холодная, хоть горячая. Герман эти удивительные факты подтверждал, но все равно как-то не верилось. Что только знай себе, в школу ходи, а тебя за это кормить будут.

Задавать вопросы дальше Рэд благоразумно не стал – и так со всех сторон шикали. Если Люля сейчас в раж войдет да понесет свою нудятину – из класса и после звонка не сбежишь, сиди – слушай эту чушь. С Люлиных слов выходило, что раньше не только жизнь была другая, но и дети другие. Умные, воспитанные, читать-считать любили – загляденье, хоть в рамку вставляй. А адапты учебу терпеть не могли. В Бункер Герман их силой выпихивал.

Пашка – из старших – рассказывал, что это Евгеньич командира науськал. Раньше Герман ни с какой учебой к ним не лез, а потом ему старый хрен по ушам поездил – как же так, дети растут неграмотными – ну, Герман и велел тем, кто постарше, в Бункер тащиться. Лично отвез, посмотрел где будут жить. Наказал учиться и Евгеньича слушаться. Через месяц, сказал, навестит.

Но так уж вышло, что увиделись подопечные с Германом раньше, чем через месяц. Учеба у адаптов не задалась.

* * *

Нет – уроки еще можно было пережить.

Но после каждого урока полагалась перемена. И потом, когда отпустят, и все, что задано, сделаешь – свободное время. И что, спрашивается, в это свободное, мать его, время делать-то?

Дома они играли в хоккей – на траве, лед в новом мире уцелел только в воспоминаниях. Герман сам разбивал ребят на команды, сам тренировал. Подрастая, они даже по спальням стали селиться командами, так удобнее было. Ключки себе делали сами, по росту. Чувствуешь, что клюшка стала мала – значит, вырос, пора мастерить новую. А в Бункер клюшки не взяли, ни один не догадался. Почему – понятно, собирались-то по-взрослому, как в поход. А в походе, известное дело, не до игрушек! Кто ж знал, что тут тебе и перемены, и свободное, мать его, время? Причем, что самое обидное, возле Бункера имелся стадион – самый настоящий, с малость заросшими, но все еще ровными площадками. Их туда каждую ночь после уроков выпускали «гулять».

– Как скотину на выпас, – ворчал Пашка.

Хрен ли, спрашивается, там «гулять»? Бродить стадом баранов, траву щипать, кучи наваливать? В общем, клюшки нужны были до зарезу. Но идею попросить Германа привезти инвентарь в следующий раз отмени: во-первых, «следующий раз» настанет нескоро, а во-вторых, неизвестно – привезет командир клюшки или пошлет подальше. Оставалось одно – кому-нибудь быстренько сгонять домой и обратно.

Решили, что пойдет Пашка. Он был почти самый старший – после Анжелы – и дорогу хорошо знал.

– Вот же дураки мы были! – вздыхал потом Пашка. – Хотя, конечно, мелкие еще... Это ж надо – не додуматься, что на следующее утро койка моя пустая будет.

Пашка рванул на волю сразу после того, как ребятам пожелали «хорошего отдыха» – адаптов, в отличие от хозяев Бункера, предрассветные часы под открытым небом не пугали.

На переключке в школе Шелдон, как договорились, буркнул за Пашку «здесь», и отсутствие прокатило. А вот в следующее «хорошего отдыха» Люля повела жалом и прямой наводкой направилась к Пашкиной постели. Там под одеялом лежала свернутая из полотенец «кукла» – типа, накрылся с головой и спит.

Не такой уж душой оказалась Люля.

– Ты чего это спрятался? – Приподняла одеяло... Ну и понеслось.

Естественно, на расспросы они, все шестнадцать, молчали, как партизаны. Заговорила Анжелка – когда до ребят дошло, что Евгений в паре с еще одним дядькой собрался вечером на поиски.

– Не надо... Вам Пашку не догнать, он сутки как ушел! Не кипишите. Он завтра вернется.

– Да? – спросил Евгений.

И, Анжелка рассказывала, от этого «Да?» и отчаянного взгляда поверх очков всем им стало не по себе. И впервые появилось чувство, что, похоже, в чем-то накосячили.

– А если не вернется? Пешком, в одиночку, такой путь! Кто-нибудь из вас подумал, как это опасно? У вас ведь бывало так, чтобы уходили и не возвращались?!

И, сколько они ни вдалбливали, что не возвращаются совсем с других маршрутов, а тут – уж сколько раз хожено, что Пашка этот «путь» с закрытыми глазами пройдет, что ничего с ним не случится и случиться не может – ну, разве что Герман ремня ввалит, если угрожает напороться, – на упрямого дядьку ничего не действовало.

– Он ребенок, – твердил Евгенийч. – Ему всего девять лет! Герман доверил вас мне. И если вдруг... что-то произойдет, я себя никогда не прошу! Господи, ну почему в этом взбесившемся мире искажаются радиоволны? Сколько бы проблем разом ушло... Василий, как только стемнеет – выезжаем.

Ребята тут же – ушки на макушке: на чем это «выезжаем»? Ездящих на чем бы то ни было бункерных никто из них еще не видел! И не увидел. Их разогнали по спальням и заперли.

А Пашка гладко, без приключений добрался до Дома. И на радостях, какой он молодец, потерял бдительность. Напоролся на Германа прямо в коридоре.

– У-у-у, че было, – закатывая глаза, говорил потом Пашка. – Не дай бог, пацаны, никому.

То есть, Герман не орал и за ремень не хватался. Командир повел себя неожиданно – стремительно побелел и покачнулся, Пашке даже показалось, что падает. Он скорее подскочил ближе, подставив Герману плечо.

– Что случилось? – прыгающими губами проговорил Герман. – Где ребята? Дикие?... Солнце?... Да что стряслось, ну?!

«Я тогда, пацаны, в первый раз увидел, как он за нас боится! И до того вдруг хреново стало – вот, прям хоть провались, чтобы не позориться. Такой дурью эти клюшки показались...»

– В Бункере, – пробормотал Пашка. – Нормально все. Я один, быстренько! За клюшками да назад.

– Чего? – сглотив, переспросил Герман. – За чем?

– За клюшками, – повторил Пашка, уже догадываясь, какой дуростью выглядит побег. – Ну, скучища же там! Они говорят – гуляйте, а мы им бараны, что ли, гулять? Это ж, от тоски – звезданешься... А у самих – стадион целый.

– Ясно, – глубоко вдохнув и выдохнув, сказал Герман.

Он стал почти нормального цвета. Только руки тряслись, когда закуривал.

– Ты ел?

– Ну, так... Орехи топтал по дороге. Да я не хочу! Герман, я бы клюшки взял, подрых маленько – и вечером назад! А? Пока не заметили? – Пашке отчего-то казалось, что если очень быстро рвануть обратно, часть вины скостится. – Можно, Герман? А то наши там совсем воют, ну реально же делать нехера.

Герман выдохнул дым.

– Дураки, – покачал головой он. – Ох, дураки! Ну как они могут не заметить? Вас ведь каждое утро спать укладывают и смотрят – все легли или нет! Уже и заметили, и спасать побежали – это к бабке не ходи.

– Да нужны мы им больно, – пробормотал Пашка. – Еще чего, спасать! Они нас не различают даже.

И тут ему прилетела такая затрещина, что в башке загудело.

– Чтоб я больше этого не слышал, – пригрозил Герман. – Про «нужны больно»! Вкурил?

Пашка торопливо кивнул.

– Пойдем, поешь. – Герман взял горе-посланца за плечо и повел в столовую. – Сейчас уже светает, смысла нет дергаться. А завтра, чуть стемнеет, в Бункер рванем. И уж там я вам всем так задницы нашлифую, что неделю сидеть не сможете! Хоккеисты хреновы.

Евгеньича и второго мужика – Василия, Герман с Пашкой встретили, отойдя от Дома едва ли километров на семь. Кинулись помогать – Евгенийч вез компаньона, с трудом удерживая его на раме велосипеда.

Пашка узнал оба этих слова – «рама» и «велосипед» – значительно позже, а тогда таращился на невиданную конструкцию во все глаза, топая сзади с клюшками и Германовым рюкзаком. За свои девять лет повидал ожогов достаточно, чтобы понимать – тут уже не помочь. Василий догорает и очень скоро умрет.

Когда Пашка в очередной несчетный раз эту историю рассказывал, Рэдрик – даже зная все наперед – охрененной бункерной дурости поражался.

Ведь они же – взрослые! Сами говорили, что их слушаться надо – и выехали на закате! Да debil последний знает, что так нельзя. Даже если солнце село, выходить рано, особенно бункерным. Сколько раз ребята от Германа огребали – просто за то, что ставни плохо закрыли! А Евгений, по словам Пашки, чушь какую-то нес.

«Мы слишком поспешили, давно не были на поверхности... Не подумали, что в это время года солнце может быть гораздо более активным... Нам казалось, что вовсе не жарко...»

Конечно, сперва-то не жарко! Жарко потом будет – когда волдыри по телу поползут. Вот тогда так будет жарко – мало не покажется.

От солнечных ожогов краснела и бугрилась кожа, причиняя невыносимую боль. Поднималась высоченная температура и сворачивалась кровь. Сергей Евгеньевич был первым из бункерных исследователей, кто догадался о прямой зависимости силы и площади распространения ожогов от возраста обожженного. Чем старше был несчастный, тем страшнее поражения кожи. Детям, что помладше, удавалось выжить. У людей, перешагнувших за двадцать, шансов не было.

Сергей Евгеньевич уцелел, потому что на поверхности бывал и раньше – в прежние времена не раз добирался до соседей и за время походов «слегка адаптировался». Рэд знал, что их братию бункерные прозвали «адаптами»: проведя на поверхности всю жизнь, воспитанники Германа притерпелись к новым условиям гораздо больше, чем слегка. А Василий впервые задержался наверху дольше, чем на час. Ну и чего он хотел-то?!

Все это провинившиеся воспитанники пытались объяснить Герману, когда тот заставил рассказывать, как было дело. Ревели все наперебой – и девчонки, и пацаны. Облепили Германа, будто цыплята наседку – казалось, что если прижаться поближе, он лучше поймет, обещали что-то навзрыд.

Они, конечно, кругом виноваты, из-за поганых клюшек человек погиб, но как так-то? Зачем они по закату поперлись? Ведь нельзя же! Ведь любой младенец знает, что нельзя! А они-то – взрослые!

Герман ребят, кажется, не слушал. Смотрел мимо и думал о своем. И, как ни пытались они заглядывать командиру в глаза, непонятно было, злится или нет.

В конце концов сказал:

– Ладно... По койкам – шагом марш. – И ушел.

Наверное, потом с Евгением разговаривал. Потому что вечером они вдвоем пришли в класс, где ребята занимались.

– Значит так, – оглядывая притихших адаптов, веско проговорил Герман. – Без разрешения Сергей Евгеньича ни один из Бункера больше не вылезет! Ясно?

Все с готовностью закивали.

– Это первое. И второе, – Герман помедлил. – Не думал, что объяснять придется... А по ходу, надо было. Сергей Евгеньич вам – не враг! И никто тут вам не враг. Все вам только добра желают! – Он обводил подопечных сердитыми глазами. – Вот если б вы просто пришли к Сергей Евгеньичу и попросились домой за клюшками – неужто бы он не отпустил? А?

Ребята угрюмо молчали.

Герман кругом был прав, и ответить было нечего. Конечно, отпустил бы. И никто бы тогда не погиб, и все бы было нормально.

Что Евгений – хороший дядька, просто странный малость, поняли еще тогда, когда он Пашку спасать кинулся. Хрен его знает, зачем – ведь сто раз повторили, что ничего не случится! – но плохой человек не кинулся бы. Это точно.

* * *

– Вы воспитали абсолютных зверенышей, Герман.

Глаза у Любови Леонидовны опухли от слез. Она очень любила Василия.

– Я все могу понять: вы сами рано потеряли мать, и когда все случилось, были, в сущности, еще ребенком. У вас нет навыков воспитания, нет специального образования... Но это... Это что-то... – Любовь Леонидовна сжимала пальцы, подбирая слова. – Эти ваши дети – действительно нечто ужасное! Неужели вы не видите, какие они? Жестокие, упрямые! Равнодушные к знаниям! Понимающие только силу! Впрочем, чего тут ожидать. Я слышала, вы их даже бьете. Это так?

– Угу, – скучно подтвердил Герман. – Бью. Смертным боем. – И в доказательство твердым кулаком со сбитыми костяшками ударил о твердую ладонь.

Любовь Леонидовна схватилась за сердце и повернулась к Евгеньичу. Герману показалось, что торжествующе. Он терпеть не мог Любовь Леонидовну. Бункерная педагогиня была толстой и неуклюжей, как беременная овца, носила очки с вечно захватанными стеклами, воняла какой-то дрянью и обожала делать замечания.

Евгеньич вздохнул.

– Любовь Леонидовна. Я тоже не сторонник силового воздействия. Но следует признать, что, как бы там ни было, Герман для ребят – царь и бог...

– Естественно! – Люля поддернула сползшие очки. – Еще бы! Бедные крошки никогда не видели другой жизни. У них нет родителей и нет другого воспитателя. Конечно, они переняли от него все – речь, походку, все его, извините, словечки и манеру себя вести! Если воспитатель их бьет – почему бы им не драться? Если воспитатель позволяет себе курить и выражаться – почему бы им не уподобиться ему? – Люля оглядела присутствующих и возражений, конечно, не услышала. – Ведь если он – их, как вы выразились, царь и бог – делает это, значит так и нужно? Значит это правильно? И он, вместо того, чтобы быть примером...

– Сергей Евгеньич, – перебил старую дуру Герман. – Вы мне вроде сказать что-то хотели. Говорите да я отползу. Спать охота.

– Спать?! – взвизгнула Люля, вскакивая с места. – Вы слышали?! И вы этого, простите, отморозка еще защищаете? Спать! Человек погиб – а ему спать!

– Любовь Леонидовна...

Евгеньич так визжать не умел. И Вадя не умел. Поэтому Люля ни его, ни Вадю не услышала. Подскочила к Герману, мотая перед носом пальцем.

– Ты... Да как ты... Ведь это из-за твоих зверенышей... По твоей вине...

Евгеньич тоже подбежал, неловко обнял ее, бормоча: «Люба, ну что ты, ну при чем тут он, ну они же, в сущности, все еще дети, успокойся, пожалуйста...»

И вот тут Герман не выдержал. «Все еще дети» доконало.

Он знал о себе, что вспыльчив, и старался это перебарывать, Люле на ее подковырки огрызался, если силы были, если не было – тупо отмалчивался. А сейчас реально взбесился.

Взрослые, тоже, нашлись! Если уж даже Евгеньич – лучший из этих людей – не понимает...

– Да, звери! – рявкнул Герман. – Да, отморозки! А я – главный зверь и отморозок. И мы – звери, грубые и жестокие – научились жить там, где вы – умные и гуманные – без своего Бункера выжить не сможете!

Дура Леонидовна что-то кричала, Евгеньич бормотал – Герман не слушал. Его несло. Наболело.

– Человек у них погиб! – орал он. – Один человек! Всего – один! И то – дурак потому что... А сколько этих самых зверенышей у меня на руках умерло, вы знаете? И скольких я спас

от смерти, потому что вовремя дал пинка – знаете? Да если б я им морали читал, вместо того, чтобы пинать, сейчас половины бы не досчитался! И если б на этого вашего Васю нашелся такой, как я – чтобы вовремя в лоб дать, чтобы он в укрытии сидел, а не перся по закату – живой бы остался. По мне – так пусть ходят битые, зато ходят! И они, между прочим, мою науку хорошо запомнили. Из них ни одному в голову бы не пришло на закате хоть нос из-за двери высунуть. Они тупо не понимают, как это можно не понимать, и так по-идиотски погибнуть. Пашка, пацан сопливый, до дома доскакал – на метр с маршрута не сбился! Ни царапины! А вы, два взрослых мужика, даже не поняли, что выходить еще рано. Моих зверенышей обвиняете... Которые вас кормят, между прочим! И, между прочим, прекрасно чувствуют, как вы тут к ним относитесь.

Герман остановился, переводя дыхание, и услышал голос Григория – бункерного врача. Тот, оказывается, давно стоял рядом.

– Герман, прекрати истерику, – белые пальцы доктора вцепились в его бурое плечо. – Ты рехнулся, что ли? Ты чего несешь-то? Евгеньич и без того места себе не находит... Ты думаешь он не понимает?

Герман посмотрел на старика. И даже вздрогнул – не ожидал, что тот так сторбится и поникнет. Стало стыдно.

– Сергей Евгеньич, простите! Я же не про вас...

Дура Леонидовна все пыталась кудахтать дальше. Григорий заставил тетку подняться и увел.

– Пойдемте, – донеслось до Германа. – Любовь Леонидовна, не нужно... – Уходя, Григорий плотно закрыл дверь.

– Простите, Сергей Евгеньич, – потерянно повторил Герман, – пожалуйста.

Сергей поморщился. Снял очки и потер воспаленные глаза.

– Ради бога, перестань. Ты совершенно прав. И мы, сидящие в этом бункере, перед природой гораздо большие дети, чем ты и твоя... команда.

– Зверенышей, – горько уточнил Герман.

– Бог мой, да не слушай ты Любу! У старой девы никогда не было детей. Твоих ребят она попросту боится – не знает, как себя с ними вести. Да и все мы, положила руку на сердце, не знаем.

Герман посмотрел с удивлением.

– Да-да, так и есть! Мы ведь помним тех детей, что были до катастрофы, понимаешь? Трогательных, беззащитных. Целиком зависимых от взрослых. И наши малыши – именно такие. А ребята, которые растут у тебя – полная противоположность... Ты сделал огромное дело, мальчик мой. Какими методами – предпочитаю не думать, у меня двое детей, ты знаешь... Было когда-то. И я за всю свою жизнь не поднял руки на ребенка! Но я считаю, твоим ребятам повезло, что с ними оказался ты, а не я. Ты научил их выживать и думать самостоятельно. Твои дети – ведь они действительно пытались нас остановить! Одна девочка – не помню, к сожалению, имени, курносенькая такая – все твердила: не надо, солнце сейчас злое, не ходите! А я, старый дурак, не слушал. Если бы поверил ей, Вася бы не погиб.

– Это Анжелка, – сказал Герман. – Самая старшая. Умница.

Сергей грустно улыбнулся.

– Анжела... Люк... Гарри... Кто ж им имена-то такие напридумывал?

– Катя. Потом сама над собой смеялась – вот же, говорит, я дурная была! Тем, кто имя не помнил или выговорить не мог, выбирала, что покрасивше. Анжелка – Анжелина, вообще-то. У нас и Брюс есть, и Рон с Гермиейной. И Рэд. – Герман помолчал. – А если уж совсем честно, то и я – никакой не Герман.

После восьми лет тесного общения подобное признание могло показаться странным. Но Сергей почти не удивился.

– И как же тебя зовут?

Псевдо-Герман хмуро усмехнулся.

– А это важно? У меня ник был такой – Герман. Я и брякнул сдуру, когда знакомились. А сейчас привыкли все. Того пацана, кем я тогда был, давно уже нет. Тех, кто меня настоящим именем звал, тоже нет. И детей своих у меня не будет, отчеством награждать некого – так какая теперь разница?

– Перестань, – болезненно поморщился Сергей. – Об этом тяжело говорить.

– А думать – не тяжело, вы считаете?

Тот мальчик, которого встретил Сергей, впервые дойдя до монастырских палат, за эти годы действительно сильно изменился.

У Германа выцвели волосы, блекло посерели синие когда-то глаза. Кожа потемнела в глубокую коричневу – жена Сергея, погибшая в день катастрофы, называла такой загар «заснул в солярии». Плечи раздались в два раза против прежнего, хотя и в семнадцать лет хилым Герман – или как уж его на самом деле звали – не выглядел. Был крепкий такой, спортивный подросток. А сейчас – взрослый мужчина.

Твердые заскорузлые ладони, шрамы и ожоги закаленного бойца. Цепкий внимательный взгляд...

Сергей почему-то вспомнил Гюзель.

Ее вцепившиеся в ворота пальцы. Растрепанную косу, отчаянный крик. Девушка была страшно обожжена, она умирала и понимала, что умирает. Накачанная болеутоляющим, пыталась успеть рассказать как можно больше. Услышав, что небольшая горстка людей спасла и продолжает выхаживать почти сотню малышей, Сергей сначала не поверил. Списал ошибку на помутненное сознание Гюзели, и на то, что по-русски та изъяснялась не лучшим образом. Они с Григорием, победив в нелегком споре с противниками похода, отправились к святому источнику. Несли с собой лекарства, фонари, запас семян – все, что, по их мнению, могло пригодиться выжившим.

Сергей до сих пор помнил, как окликнул гостей из-за ворот мальчишеский басок: «Стой, кто идет?» И после уточняющих расспросов перед ними появился Герман – чуть живой от усталости, но вооруженный охотничьим карабином и полный решимости защищать свою общину до последнего вздоха.

Сергей помнил, как содрогнулись они с Григорием, разглядев руки тех, кто жил в Доме у источника – красные, корявые, многократно растрескавшиеся и зажившие, покрытые ссадинами и мозолями. Помнил, как до слез потрясли трехлетние ребятишки, возящиеся с теми, кто был еще младше. Искренне считающие себя «большими» и изо всех сил пытающиеся помочь. Они с Григорием приходили к Дому еще не раз. Чтобы с горечью узнавать о новых смертях. Не всегда – среди малышей, но неуклонно – среди взрослых. До тех пор, пока Герман и Катя не остались совсем одни.

Впоследствии Сергей не раз спрашивал себя: а удалось бы ему самому справиться с тем, что обрушилось на ребят? И вынужден был признать, что едва ли. Весь его жизненный опыт, все навыки воспитания собственных детей возопили бы, что это невозможно! Взвалить на себя такой груз могли только люди, подобные Герману и Кате.

По-юношески отважные. Два года наблюдавшие самоотверженность тех, кто жил и умирал рядом с ними. Уверенные в том, что, коль уж они уцелели – не имеют права опустить руки и сдаться.

Герман не знал, что такое рефлексия, и об ошибках не сожалел. Он был человеком действия.

– Мне на себя-то наплевать, – ероша выцветшие волосы, говорил сейчас он. – Я своих детей, если по-честному, и вовсе не хочу, на три жизни вперед нажрался. Да и сколько мне кувыряться осталось, тоже ведь хрен его знает. – Сергей открыл было рот, чтобы перебить,

успокоить, но понял, что не нужно. Герман не жаловался, он констатировал известный факт. – Мне за ребят обидно! Растут они – будь здоров, сами видели. И если у них не только руки-ноги, но и прочие подробности тем же темпом отрастают, то еще пара лет, и всем колхозом – что пацаны, что девчонки – уже искать начнут об кого бы потеряться. Это – к бабке не ходи... Блин. Простите.

Извинился Герман потому, что Сергей болезненно сморщился. Такого рода термины на дух не выносил. А собеседник его, взявший в руки хоккейную клюшку раньше, чем букварь, стесняться в выражениях не привык.

Заботами тренеров, к семнадцати годам Герман стал сильным и выносливым, как тягловый конь, а стараниями спортивных менеджеров был приучен к мысли, что ни одна победа не придет сама. Но вот следить за красотой речи в спортшколе явно было некому – эпитеты центральный нападающий выдавал порой такие, что у обитателей Бункера очки на лоб лезли. Ведь сколько прекрасных слов изобрели люди, чтобы назвать процесс взаимного влечения! Герман же – хорошо, если именовал это «чпокаться» или «шпилиться», а не как-нибудь похуже.

Сергей считал – оттого, что бедный мальчик еще никогда не любил по-настоящему. Пухлая добрячка Инна Германа обожала, слепому было ясно. А он ее – нет. Заботился, уважал, ценил – но не любил. Вот с Катей, думал Сергей, у них все могло бы получиться. Чудесная была девушка. Улыбчивая, приветливая. Она так странно всегда оттеняла своего сурового компаньона.

– Ты любил Катю? – спросил как-то у Германа Сергей.

Катя к тому времени уже погибла. Герман смерть подруги очень тяжело переживал. Надолго тогда замкнулся, ожесточился, и если бы не постоянная необходимость заниматься детьми – трудно сказать, что с ним стало бы. В ответ он неопределенно пожал плечами.

– Клеиться пытался, в самом начале, она отшила. У нее ведь жених был, помните? До того, как все случилось. Ну, я больше и не лез. Ничего у нас с ней не было.

Времени вам не хватило, вот что, – думал Сергей. Ни на то, чтобы испытать настоящее чувство, ни на то, чтобы проникнуться им. В этом свихнувшемся мире катастрофически не хватает времени. Никому и ни на что...

«Слава богу, – записал он в дневнике, – что пока мы – взрослые, образованные люди, терзались безысходностью, пытаюсь передать свои знания трем несчастным детишкам, Герман и Катя не сидели сложа руки.

Они, не задаваясь никакой целью и не обладая никакими знаниями, просто помогали выжить случайно подвернувшимся малышам. А в результате воспитали настоящую силу – которая, в отличие от наших подопечных, умеет управляться с новым миром. Сложенные вместе, знания наших ребят с навыками и сноровкой адаптов, смогут их спасти. Спасти их будущее – единственное, ради чего нам всем, уцелевшим, стоит и дальше цепляться за эту жизнь».

Глава 3

Бункер – Ногинск (33 км)

Кирилл ехал в телеге. Рэд и остальные шестеро шли пешком.

Начало путешествия сложно было назвать комфортным – обычно обоз перевозил товары, и место для единственного пассажира в нем расчистили с явной неохотой. Не говоря уж о том, чтобы озаботиться удобством размещения: телегу трясло и подбрасывало на каждой рытвине, Кирилл дважды успел прикусить язык.

Прибор ночного видения, которым его снабдили в Бункере, комфорта также не добавлял. Когда, готовясь к походу, Кирилл только начинал осваивать прибор, это веселило – забавно было рассматривать ставший черно-зеленым мир. А сейчас он не расставался с девайсом с того момента, как выбрался на поверхность, и тот успел изрядно надоесть. Несколько раз пробовал снять ПНВ – помнил, что на бункерном полигоне и без освещения ориентировался неплохо – но быстро сообразил, что здесь, в отличие от полигона, отнюдь не открытое пространство. Дорогу с двух сторон обступили деревья, кроны едва не смыкались над головой. Кирилл подумал, что без сопровождения адаптов тут было бы жутковато. Попытался поделиться ощущениями с девушкой, которая шла впереди, ведя на поводу лошадей. Девушка не ответила и даже бровью не повела, как будто он со стенкой разговаривал.

Звали молчунью Олесей – услышав это красивое имя, Кирилл поперхнулся: до сего момента был уверен, что разговаривает с парнем, – а лошадей Дюной и Звездочкой. И это было все, что он сумел выведать у спутницы. Голос девушки оказался еще более сиплым, чем у Рэда, и – возможно, поэтому – общительностью она не отличалась. Впрочем, идущие впереди другие адапты тоже не разговаривали. Кирилл не слышал ничего, кроме странных звуков леса и тихого поскрипывания телеги. Когда его принялись трясти за рукав, понял, что ухитрился задремать.

– На, – сказала Олеся. – Обед. – И сунула в руки миску с ложкой.

Прибор ночного видения, пока хозяин спал, болезненно впечатался в скулы. Кирилл, поморщившись, ослабил крепление.

– Где мы находимся?

– Железку перешли, – непонятно буркнула Олеся. – Держи посуду.

Кирилл взял в руки «посуду» – металлическую миску, – и адаптка прицельно, не разлив ни капли, плеснула туда что-то из фляги с широким горлышком.

«Что-то» оказалось горячим – мгновенно нагретая миска обожгла руки. Кирилл вскрикнул и выронил коварную посудину.

– Ты чего орешь?

– Горячо...

– Так поставить надо было! Поднимай давай. У нищих прислуги нету.

Кирилл поспешно перекинул ноги через борт телеги.

Неловко спрыгнул на землю, ухитрившись наступить прямо в миску. Поскользнулся и упал, а через секунду ослеп – ПНВ соскочил с головы и улетел неведомо куда. Звук, который раздался сразу после этого, ему страшно не понравился.

– Вот же клыча, – недоуменно прокомментировала Олеся. – На. – И, присев на корточки, извлекла из-под телеги потерю.

– Спасибо. – Кирилл надел прибор. – Ой...

Мерзкий звук не почудился. Линз в окулярах больше не было.

– Выпал птенчик из гнезда, – радостно объявил чей-то незнакомый, внезапно оказавшийся рядом, голос, – все, теперь ему – п... зда!

Должно быть, последнее слово означало что-то смешное. Вокруг сдержанно захихикали.

Когда спутники успели окружить Кирилла – бог их знает. Не сказать, чтобы темнота вокруг была совсем крошечной, очертания фигур Кирилл различал, но вот передвигаться адапты умели совершенно бесшумно. Приблизились неслышно, словно призраки. Да и ориентировались ночью, в отличие от бункерного сверстника, превосходно – адаптированному зрению не нужны были никакие устройства.

– Цыц, – это раздался голос Рэда. – Что стряслось?

– У меня сломался прибор ночного видения, – признался Кирилл, – линзы выскочили.

– Где выскочили? Здесь?

– Ну да, прибор на дорогу упал.

– Так и хрен ли ты разлежся? Ищи давай! Народ, разойдись.

Адапты расступились. Кирилл сел на корточки – плохо понимая, что и как можно в этой темноте искать, но на всякий случай заглянул под телегу.

Одну из потерянных линз Олеся нашла – подобрала с земли и показала Кириллу россыпь стеклянного крошева на ладони. Вторую ни она, ни Рэд так и не обнаружили.

– Совсем затоптали, видать, – прокомментировал Рэд. – Надо было сразу... Запасные-то есть?

– Что?

– Ну, линзы.

– У меня?

– Нет, блин! У меня.

Кирилл обвел взглядом еле различимые в темноте фигуры адаптов – ПНВ ни на ком не увидел – и почувствовал, что холодеет.

– А что... У вас тоже нет?

Из темноты насмешливо фыркнули.

– Да до фига! Как у рыбок – зонтиков. Все, что ли, Сталкер – назад шагаем? План по спасению мира обломался в пункте «ноль»?

– Цыц, – повторил Рэд. – А ты без этой шняги – никак?

– Н-ну... Я попробую...

Рэд вздохнул.

– Красавец. И надо было расколотить? Где ж вас берут-то, таких косоруких? – Кирилл еще при первой встрече понял, что командир адаптов к нему, мягко говоря, не расположен.

С Рэдом они оказались почти одного роста – хотя в целом габариты отличались на порядок. На небольшом расстоянии разглядеть лицо адапта было можно. Но выражение на этом лице отражалось такое, что лучше бы «косорукий» Кирилл его не разглядывал.

* * *

– Ты чего бормочешь? – раздалось над ухом примерно через час.

После короткого обеда – за пятнадцать минут все, кроме Кирилла, съели густую, странного вида похлебку, сжевали хлеб и выпили чай – его подсадили назад в телегу, и тем же порядком двинулись дальше. Поесть Кирилл толком не успел, варево оказалось слишком горячим. Он кое-как проглотил хлеб, а в руке держал кружку с чаем – тоже горячим, но на сей раз догадался обернуть ладонь рукавом.

Предосторожность, впрочем, не спасла – лошади тронулись, и жидкость расплескалась.

Хотелось пить, мокрый рукав неприятно холодил руку, и было обидно, что остался без обеда. Но Кирилл твердо решил держаться. Чтобы отвлечься, принялся шепотом читать стихи – любовь к простым четким рифмам перенял у Сергея Евгеньевича.

Славная осень! Морозные ночи,

*Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни —
Всё хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...*

Вопрос «Чего бормочешь?» ему задал Рэд.

– Стихи, – удивился Кирилл.

– Вот же мозговед! Тебе что, даже в поход уроки задали?

Кирилл улыбнулся. Слово «уроки» позабавило.

– Уроков мне давно не задают. Если хочешь знать, Сергей Евгеньевич с Любовью Ленидовой считают, что меня и учить-то дальше нечему. Просто нравятся стихи, вот и читаю.

Неизвестный Кириллу парень, идущий с другой стороны телеги, присвистнул.

– Ух, свезло тебе, Сталкер! Такого умника везешь. Ты от него далеко-то не отходи. Глядишь, тоже ума наберешься, окуляры выдадут.

Предположение было встречено насмешливым хмыканьем других адаптов. Кирилл почувствовал, что краснеет.

– Выдадут сейчас тебе, – пообещал парню Рэд.

Но Кирилл отчего-то подумал, что сделал это вовсе не из желания заступиться.

Когда глаза начали, наконец, ясно различать контуры телеги, Рэд сунул Кириллу в руки странное полотнище.

– На, завернись. А то сгоришь.

Полотнище красиво посверкивало в темноте.

– Но ведь еще даже не рассвет... – Кирилл расстроился. Только-только собрался вокруг оглядеться.

– Рассветет – поздно будет. Заворачивайся! Да смотри мне, как следует, а то сам заверну.

– А вы?

– Нам такое солнце не страшно.

После того, как телега остановилась, Кириллу голосом Рэда было велено «не рыпаться». Беспомощный груз взвалили, судя по всему, на плечо, куда-то отнесли и сбросили на твердое – Кирилл болезненно охнул.

– Можешь разматываться, – разрешил Рэд. – Рюкзак – у входа. Фонарь-то хоть есть?

– Конечно, – обиделся Кирилл, – я хорошо экипирован.

Рэд на это саркастически хмыкнул и больше ничего не сказал.

Кирилл неуклюже выбрался из кокона. Нашупал в рюкзаке фонарь и спички. Поджег фитиль и сначала даже зажмурился – таким ярким показался свет.

Он находился в полукруглом матерчатом домике около двух метров в длину и полутора – в ширину. Встать в полный рост здесь не смог бы, на коленях и то уперся головой в потолок.

Состав для пропитки палаток, то самое вещество, из-за которого ткань так волшебным образом серебрилась, изобрел Вадим Александрович. Состав отражал солнечные лучи, не позволяя им проникать внутрь, хорошо отталкивал воду, но пропускал воздух, благодаря чему в домике можно было дышать.

Тем же составом в Бункере покрывали защитные комбинезоны, которые позволяли в течение недолгого времени – час-полтора – находиться на открытом солнце. Дольше не получалось, потому что выделяемый телом пот нарушал защитные свойства. Ученые трудились над усовершенствованием не первый год, но далеко пока не продвинулись.

Кирилл сообразил, что спать сегодня будет здесь. И, если бы Рэд не ушел, смог бы убедиться, что спутник действительно хорошо подготовлен: в рюкзаке находились и свернутый надувной коврик, чтобы положить на пол, и спальный мешок, чтобы в него залезть.

Кирилл раскатал коврик, выдернул затычку. Понаблюдав, как коврик утолщается, наполняясь воздухом. Вытряхнул из чехла спальный мешок. Вытянулся во весь рост, подложив, как учили, рюкзак под голову... Если не думать о том, как неудобно будет спать на твердой, несмотря на подстеленные предметы, земле, то тут даже уютно. По крайней мере, гораздо удобнее, чем в трясущейся телеге.

Поразмыслив, Кирилл извлек из рюкзака блокнот и карандаш – решил, что продолжит вести дневник. Однако много написать не удалось: сначала в палатке появилась Олеся, которая принесла ужин, а потом Рэд, который быстро разделся, забрался в спальник и погасил фонарь.

На возмущение «Подожди, я еще не закончил!» он никак не отреагировал. А повторно поджигать фитиль Кирилл, припомнив мрачную горбоносую физиономию, не рискнул.

* * *

Следующим вечером Кириллу пришлось тронуться в путь так же, как прибыл сюда – замотанным в палатку. Честно говоря, он не расстроился – пробудился с трудом, и в мягком серебристом коконе с удовольствием досыпал. До тех пор, пока Рэд, постучав пассажира по голове и состоянием его никак не интересуясь, не приказал «разматываться».

Это не было просьбой или предложением – именно приказом, жестким и категоричным. Просить и предлагать командир адаптов, судя по стилю общения, не умел. И времени на выслушивание возражений не тратил. В ответ на бормотание Кирилла «я еще не проснулся, нельзя ли попозже» попросту сдернул с него полотно. После чего рывком стащил с телеги.

Обоз продолжал двигаться – останавливаться ради того, чтобы Кириллу удобней было сойти, никто не собирался. Телега проехала мимо, удаляясь в темноту. Кирилл с Рэдом стояли.

– Что-то случилось? – Собственный голос показался робким, даже жалким. Кирилл откашлялся. – Зачем мы остались?

– За стенкой, – буркнул Рэд. – Ходить будешь учиться, вот зачем.

Кирилл обиделся.

– Я умею ходить.

– Это ты по Бункеру умеешь. Шагай давай. – Большие пальцы рук Рэд затолкал за поясной ремень и застыл в ожидании.

Спорить Кирилл не решился. Пожав плечами, двинулся вперед.

Дорогу перед собой он худо-бедно различал, а вот с ямами под ногами дела обстояли хуже. Через несколько шагов споткнулся – хорошо, что на этот раз хотя бы не упал, но лодыжку подвернул и зашипел от боли.

– Зашибись, – недовольно прокомментировал Рэд. Он возник рядом неизвестно откуда. Признался. – Я, если по-честному, вчера не поверил, что ты совсем ни хрена не видишь. Думал, может, приколы у вас в Бункере такие... А ты в натуре – жопа слепая.

– Кто-кто?

Рэд фыркнул и не ответил.

Кирилл решил, что имеется в виду какое-то неизвестное ему животное – возможно, тоже из адаптированных. Была, например, до того, как все случилось, «мексиканская слепая рыба», аквариумный вид, а тут «слепая жопа» – почему бы и нет. Зоология не была его сильной стороной, это Даша по животным с ума сходила. Она-то уж любое название наверняка бы вспомнила.

– Пяти шагов не прошел – брякнулся, – продолжал ворчать Рэд. – Силен.

Кирилл обиделся.

– Во-первых, я прошел больше! Во-вторых, не брякнулся. А в-третьих, эта проблема решается очень просто – нужно всего лишь взять фонарь. Попроси, пожалуйста, ребят остановиться.

– Ты debil? – заинтересовался Рэд. – Или прикидываешься? Про Диких слышал?

– Допустим...

– Это у вас в Бункере – «допустим».

Рэд говорил возмущенно, но по-прежнему тихо. Все адапти, попав на дорогу, вели себя тихо. Шли, переговаривались, забирались в телегу и соскакивали с нее – все происходило в полной тишине, как взрывы в космосе.

Наверное, если б новые соратники решили Кирилла убить, это тоже произошло бы бесшумно. Подошел бы вот этот самый Рэд сзади, свернул шею одним движением – и вся недолга. Отпихнул бы ногой остывающий труп, и пошел себе дальше...

Кирилл встряхнул головой, умиряя разбушевавшуюся фантазию. Представится же такая чушь!

С Рэдом они не друзья и друзьями, по понятным причинам, не станут – но партнеры. Они делают общее, очень важное дело. И нужно научиться доверять этому парню, какие бы ни были у него жестокие глаза и аллигаторская ухмылка.

– Прости, что ты сказал?

– Ты в уши, что ли, долбишься? Я говорю – Дикие могут свет увидеть. Слетятся, что твои мухи на дерьмо. Не дрался давно?

– Я никогда не дрался.

Рэд вздохнул. Но комментировать уже не стал – надоело, наверное.

– Значит, так, – непререкаемо заявил он. – Слушай сюда, повторять не буду. Про фонарь больше не заикайся. Свет зажигать на дороге – нельзя! Орать, чихать – тоже нельзя. Говорим шепотом, ползем тише, чем перья из курятника воруют. Делаем вид, что ежики. Иду я, ты рядом – нога в ногу. Хочешь, за рукав держись. Если яма – скажу. Вкурил?

– Нет.

– Что еще?

– А разве ежики в природе остались? Любовь Леонидовна рассказывала...

– Пошли, блин, – простонал Рэд. – Вот же принесло-то, на мою голову! Да не за правую, за левую берись. И крепче держись, не кусаюсь. – Он прицепил ладонь Кирилла на свое могучее плечо. – Давай: раз-два, раз-два... Да не пыхти ты в ухо! Раз-два, раз-два...

– Я, вообще-то, тренировался, – стараясь попасть в ногу с Рэдом, не удержался от хвастовства Кирилл. – Я к этой миссии давно готовлюсь. Два часа могу идти без остановки! И обувь у меня хорошая.

Рэд не впечатлился.

– Язык у тебя – помело. Давно готовишься, а про Диких не знаешь? Что свет зажигать нельзя, что орать нельзя?

Кирилл сконфуженно замолчал. Разумеется, в рамках подготовки, ему обо всем рассказывали. Но в тот момент будущий миссионер даже не подозревал, что требования окажутся настолько категоричными.

– И не трепись, – добавил Рэд, – береги дышалку. Уже, вон, сбилась, сопишь, как паровоз... Курить поменьше не пробовал?

– Я вообще не курю. С чего ты взял?

– Шутка. Мы тут – ребята с юмором. Привыкай.

Двух часов Кирилл не продержался. Час десять, от силы час двадцать – неутомимый спутник шагал гораздо быстрее, чем он привык.

А еще страшно угнетала духота. Кирилл в очередной раз подумал, насколько же прав был бункерный врач Григорий Алексеевич, категорически заявивший, что без специальных

упражнений «малыш» не продержится на поверхности и суток, и заставивший его регулярно выходить наверх, постепенно наращивая часы – чтобы дать организму возможность притерпеться к тяжелому климату.

После неизменных, днем и ночью, двадцати двух градусов Бункера – с его кондиционированием, озонированием и порционным увлажнением – выбраться наружу, в душную и липкую жару, Кириллу и впрямь оказалось непросто.

Он от обычных-то прогулок, во время которых в компании Олега и Даши неспешно бродил вокруг Института, и то старался увильнуть под любым предлогом. А Григорий Алексеевич разработал для будущего миссионера целую программу, включившую в себя гимнастику, ходьбу и даже бег – и строго следил за тем, чтобы от упражнений Кирилл не отлынивал. Вмешательство Любви Леонидовны и то не помогло. Кирилл уповал лишь на то, что врач перестраховывается. В походе наверняка все окажется не так сложно! Не могут ведь, в самом деле, здравомыслящие люди столько ходить пешком...

Но реальность показала, что могут. Причем, судя по всему, сами никакого дискомфорта не испытывают – хотя здесь, на дороге, духота ощущалась сильнее, чем на тренировочной площадке. И под ногами было отнюдь не гладкое покрытие. Кирилл уже не раз пытался, споткнувшись, упасть – и, если бы не впивавшиеся в плечо адаптские пальцы, непременно бы это сделал. Сердце стучало, как бешеное, кололо в бок и страшно хотелось пить. А Рэд шагал рядом, будто запрограммированный – потрясая равнодушный и к духоте, и к усталости, – и только с неудовольствием косился на тяжело сопящего спутника.

Почувствовав боль в намятых внутри ботинка пальцах, Кирилл даже обрадовался.

– У меня нога заболела.

Рэд не удивился. Он остановился, вдохнул и издал горлом странное чириканье.

– Что это?

– Сигнал нашим, чтоб остановились. А вообще, воробьи так орут – не слышишь, что ли?

Действительно – сейчас Кирилл, прислушавшись, это понял, – позади давно раздавались похожие звуки. Но он был настолько занят, что внешние раздражители не воспринимал.

– Воробьи за нами всю дорогу прыгают, в навозе конском ковыряются, – пояснил Рэд. – Пошли.

Они снова тронулись, теперь уже медленнее. Кирилл решил воспользоваться передышкой, чтобы попытаться наладить отношения.

– Ты, пожалуйста, не злись на мои вопросы. Для меня ведь действительно многое внове – то, что для тебя само собой разумеется. Но ведь чем быстрее я во всем разберусь – тем лучше для нас всех! Мы ведь общее дело делаем, очень важное и нужное! Правда?

Вадим Александрович считал, что эту фразу следует произносить почаще – тогда есть шанс, что в ненадежных адаптских мозгах она укоренится. Но определить, укоренилось что-то в мозгах у Рэда или нет, Кирилл не сумел. Командир посмотрел на него, как на дурака, и промолчал.

– Хорош у тебя прицеп, Сталкер, – встретил пешеходов неунывающий насмешник. – Этак вы далеко уволочетесь.

– Зато легкий, – заметил другой парень, подсаживая Кирилла в телегу. – Если что, в рюкзак засунешь.

– Башкой вниз, для устойчивости! Башка-то – умная, тяжелая, поди.

Вокруг снова захихикали.

– Если что, пинка дам, и птичкой полетит, – буркнул Рэд. – Лар, глянь у него ногу. Говорит, натер... Все, отставить базар! Трогаемся.

* * *

В Ногинске обоз встречали.

Вокруг замотанного в полотнище Кирилла начали раздаваться веселые голоса, приветствия и хлопки по плечу.

– О-о, Сталкер и команда!

– Здорово!

– Припозднились сегодня...

– Генератор привезли?

– Дмитрийч сказал, вы с собой бункерного тащите? Че-то не видать – сожрали, что ли?

– Ясен пень, сожрали, со Сталкера станется! В три горла лопают.

– Ну! Скоро попереки себя шире будет.

– Ларочка, милая, скучала по мне? Я-то с прошлого раза ни дня не спал – все о тебе думал...

– А это что у вас за куль?

– Куль – не трожь, – послышался властный голос Рэда. – Самый ценный груз, поценней генератора... Не трожь, сказал! Давай под крышу. Где Дмитрийч?

Телега, судя по всему, въехала в помещение – перевалила через порог и остановилась. Кирилла потрясли за руку.

– Можешь разматываться, – сказал Рэд.

Кирилл стащил с головы палатку. Сел и огляделся.

В детстве Любовь Леонидовна рассказывала воспитанникам про зоопарки, где животные со всех концов света сидели в клетках, чтобы люди могли прийти на них посмотреть. Сегодня у Кирилла появилась возможность лично выяснить, что животные при этом чувствовали: на него с неподдельным интересом уставились светлые глаза двух десятков адаптов.

– Ойнунифигасебе, – первой выразила общее мнение стоящая ближе всех девушка. Склонила голову набок – короткие волосы украшал ряд разноцветных заколочек. – А чего он такой белый? А лохмы – черные.

– Они в Бункере – все такие, – авторитетно разъяснила другая девушка – из тех, что привезли Кирилла сюда. Улыбчивая и симпатичная, с ямочками на щеках.

Голос у спутницы тоже был приятный – легкий и мурлыкающий, не чета сиплой Олесе. Звали девушку Ларой, о чем она охотно сообщила, пока накладывала мазь на ступню Кирилла. И его, в свою очередь, засыпала вопросами, в основном касательно жителей Бункера – все ли они так «стремно» выглядят, что едят, как одеваются?

Кирилл поначалу удивился подобной неосведомленности – ведь адапты посещали бункерную «школу», давно могли бы расспросить подземных жителей о чем угодно, – однако постарался отвечать, не выказывая удивления. Вовремя вспомнил слова Любви Леонидовны о том, что в головах «варваров» информация надолго не задерживается. После долгих мук расскажет некий персонаж определение или правило, а на следующую ночь – чистый лист, будто и не учил никогда.

Любовь Леонидовна страшно уставала после уроков, которые давала адаптам. Кирилл с Олегом и Дашей очень ей сочувствовали и сами старались отвечать как можно лучше, чтобы порадовать воспитательницу.

Теперь же, после получасовой беседы – потом командир Лару с телеги прогнал – информация в памяти девушки, очевидно, была свежа. И та считала себя несомненным авторитетом по части всего, что касалось жителей Бункера.

– Они там все белые, потому что под солнце никогда не ходят, а волосы у всех разные, – разъясняла любопытствующим она. – Есть черные, есть коричневые. Они у них не отвалива-

ются. Вот посюда могут отрастать. – Лара чиркнула ладонью по локтю. – И глаза тоже у всех разные.

– Да ла-адно! – не поверила оппонентка в заколочках. – А че Евгенийч тогда – тоже бункерный, а лысый?

– Так Евгенийч – старый уже! Он старше даже Германа. А кто молодые, те все разные. Скажи? – Лара повернулась к Кириллу.

Тот утвердительно кивнул и, похоже, этим кивком произвел не меньший фурор, чем появлением из палатки. Для местных, видимо, явилось откровением, что гость их слышит и понимает.

Теперь они загалдели все. Недоверчивая Ларина собеседница с любопытством, будто неведомую зверушку, потрогала Кирилла за волосы.

Пальцы ее, хоть и девичьи, мало отличались от лапы Рэда – коричневые, сильные, с обрезанными под корень ногтями. Кирилл подумал, что если попытается убрать от лица руку назойливой девицы, а та воспротивится, неизвестно, чья возьмет.

Не зная, как себя вести, он принялся искать глазами Рэда, когда к телеге протолкнулся нормальный человек – не адапт. Мужчина, на вид – ровесник Сергея Евгеньевича.

– Ребята, ну что вы за балаган устроили? Наталья, ну-ка отойди! Тебе самой-то понравится, если полезут за волосы хватать? Добро пожаловать, юноша. – Мужчина помог Кириллу спуститься. – Меня зовут Максим Дмитриевич.

– Здравствуйте. – Кирилл с удовольствием пожал протянутую руку – обычную, человеческую, не такой кремень, как у Германа, или, наверняка, у этой вот Натальи. – Кирилл.

– Очень приятно. Здравствуй, Рэд. Как добрались?

– Здрассьте. Нормально. Дмитрич, этого – в дом бы отвести, а то скоро совсем рассветет. «Этого» – было про Кирилла.

– Да-да, – спохватился Максим Дмитриевич. – Ребята, принимайте товар! Пойдемте, друзья.

В просторном здании, где разместилось ногинское население, Кирилл оглядывался по сторонам с интересом.

Ему понравился коридор с высокими окнами, которые уже начали закрывать ставнями, и ряд деревянных дверей, покрашенных прозрачно-желтым лаком, с виднеющимися сучками и прожилками. Полы в коридоре тоже оказались деревянными, вкусно-коричневого цвета, и под шагами уютно поскрипывали.

Кирилл никогда прежде не бывал нигде, кроме Бункера. Он привык к полукруглым низким потолкам и белым стенам. К ровному глушащему шаги покрытию на полу и к постоянному освещению – энергию в убежище подавали генераторы на солнечных батареях. Здешнее освещение было скудным. Электричество в поселке, называвшемся когда-то городом Ногинском, как и везде, экономили.

То есть, энергии-то в изменившемся мире было вдоволь – солнечной, например. А вот с генераторами дела обстояли хуже. Собирать их умели только в Бункере, необходимые детали добывали в развалинах городов адапты. Собирали небыстро, по одному в два-три месяца, и очередь стояла на годы вперед. Собранный генератор отправлялся с адаптским обозом в путь, в конце которого обменивался на еду, оружие, домашний скот – все, чем был богат заказчик. Этот товар был востребован, как никакой другой в Цепи. И именно за генераторами в первую очередь охотились Дикие. Случалось, что у кого-то отбирали. И тогда – если в ограбленном поселке еще оставались жители и возможность заплатить за товар – в Бункер поступал новый заказ.

Цепью прозвали поселения, вытянувшиеся вдоль Дороги. Из рассказов взрослых Кирилл знал, как образовалась Цепь.

* * *

После того как все случилось, уцелевшие в разрозненных местах люди – кто раньше, кто позже – начинали интересоваться соседями. В результате поисков попадали на Дорогу – ровное асфальтовое полотно с полуразвалившимися отбойниками, бывшую федеральную трассу. Встречи соседей друг с другом заканчивались по-разному, в диапазоне от радушных объятий до тотального истребления, но пятнадцать лет – долгий срок. За это время отношения между неистребленными утряслись и худо-бедно цивилизовались. Самыми населенными оказались местности, прилегающие к Дороге – через них шел товарообмен, там было относительно сытно и безопасно. Так образовалась Цепь.

Неприсоединившееся к Цепи население – в большинстве своем те, кого трагедия застала в «хлебных» местах, вблизи продовольственных складов и торговых центров – сплотилось в разрозненные шайки. Эти мрачные персонажи с чьей-то нелегкой руки именовались Дикими и, в сущности, таковыми и являлись. К своим местам обитания Дикие никого из жителей «цивильных» поселков не подпускали, товарообмена с ними не вели. Между собой то воевали, то мирились, не занимались ни сельским хозяйством, ни производством, зато умели гнать самогон и наркотические вещества из чего угодно и лихо метать сюрекены, вырезанные из железа и заточенные до состояния хирургического скальпеля. Пущенный умелой рукой сюрекен если не убивал, то калечил противника до полной потери боеспособности.

Неизвестно, производили когда-нибудь Дикие подсчеты своих запасов – как продовольственных, так и прочих – или нет, но вели себя по принципу «на наш век хватит, а там хоть трава не расти». И, в общем-то, не так уж были неправы – именно к такому выводу пришел Кирилл, узнав в один прекрасный вечер, что за тринадцать лет, прошедшие после катастрофы, ни в одном известном обитателям Бункера поселке не родился ни один ребенок.

Кирилл провел в уме несложные вычисления – к тому времени знал, что в изменившемся мире пятидесятилетний юбилей справляют единицы, а большинство умирает раньше – и, нахмурившись, спросил:

– То есть, через тридцать лет на Земле вообще никого не останется?

До сих пор его как-то не беспокоило воспроизводство в живой природе вообще и в человеческом подвиде в частности. Лекцию про сперматозоиды-яйцеклетки, из которых формируется эмбрион, будущий миссионер прослушал без интереса. В Бункере детей не было, кроме них с Олегом и Дашей – но в Бункере и не положено было находиться детям. Это было «научное учреждение, а не ясли», и им с друзьями просто повезло оказаться рядом, когда все случилось.

А за пределами Бункера какие-то неведомые люди, должно быть, размножались этими самыми яйцеклетками. И у них появлялись дети – как цыплята из яиц на ферме у Германа, а может, как-то еще – но, в любом случае, Кирилла это не касалось.

И вдруг оказалось, что никакие дети ни у кого не появлялись. И что когда умрут Олег и Даша – Кирилл был самым младшим из троицы, а потому свою очередь определил последней, – он останется в Бункере – да что в Бункере, во всем мире! – совсем один? Потому что новым детям, младше него, взяться неоткуда?

От этой мысли стало жутко, и Кирилл с надеждой посмотрел на Вадима Александровича. Наставник ответил именно так, как хотелось:

– Если сидеть сложа руки, то да.

Кирилл облегченно выдохнул. Слова Вадима Александровича означали, что задача предстоит трудная, но разрешимая. А трудные задачи самый одаренный ребенок из группы раннего развития «Солнышко» любил. Чем труднее была задача, тем больше она ему нравилась. И ужасно не понравилось открывшееся недавно в линейной алгебре понятие – задача, не имеющая решений.

– Мы обязаны победить, – горячился, рассказывая Кириллу о предстоящей миссии, Вадим Александрович. – Химия – основа всех основ! А человек, как любое природное творение, всего лишь набор молекул. И если какие-то из молекул вдруг дали сбой, первостепенная задача ученого – этот сбой выявить. Перенастроить организм. Вернуть его в нормальное русло и заставить функционировать по-прежнему.

Сергей Евгеньевич грустно качал головой.

– Позволь напомнить, Вадик, нас тут – пятьдесят человек химиков. С учеными степенями и высокими заслугами. Мы тринадцать лет бьемся над этим вопросом, но так и не выяснили, в чем заключается так называемый сбой...

– Естественно! Медицина, увы, не наш профиль. Не мне вам рассказывать, что до того, как все случилось, Институт занимался отнюдь не разработкой лекарств. Но, я считаю, что за эти годы мы очень далеко продвинулись! И разработка вакцины должна стать последним, грандиозным шагом на нашем тернистом пути.

Кирилл восхищенно слушал. Ему не терпелось сделать последний, грандиозный шаг.

К миссии будущий путешественник готовился два года. Заучивал сложные формулы синтеза, практиковался в получении нужных веществ.

– ...У нас нет того, что требуется, мы получили вот этот аналог, но он не работает. А в той лаборатории должен быть. Но даже если его нет в готовом виде, можно получить из...

Кирилл записывал и запоминал, что из чего можно получить. Очень многое учил наизусть.

– ...Время не всегда будет на твоей стороне. Иногда обстоятельства складываются так, что действовать приходится быстро. А для этого необходимо, чтобы ты даже не задумывался, что из чего получается и каким путем...

Формулы являлись во сне, наползая одна на другую.

– ...Но если в той лаборатории есть нужные вещества, почему там до сих пор не разработали вакцину? – в какой-то момент осенило Кирилла. – Неужели в Академгородке не знают, что происходит?

– Вариантов два, – сумрачно разъяснил Вадим Александрович. – Первый – оптимальный – вакцину наши коллеги получили и успешно применяют, но из-за отсутствия сообщения не могут передать. А второй – худший, но наиболее вероятный – в лаборатории не осталось никого, кто мог бы это сделать. Мы ведь не знаем, что происходит в Новосибирске. Не знаем, в каком состоянии лаборатория, и все, что когда-то было Исследовательским центром... Бункера у них нет. Может быть, там вообще живых не осталось. Сюда ведь за эти годы никто не добрался. Когда все случилось, люди бежали от наводнения на запад, все дальше и дальше. И даже когда большая вода ушла, возвращаться в необжитые места желания не возникло. Нам, видишь ли, и тут отнюдь не тесно. Давно ли страдали от перенаселенности, предсказывали демографические катастрофы... А сейчас знаем в лицо каждого в радиусе ста километров.

– Я не знаю, – простодушно напомнил Кирилл.

– Ничего! Еще столько людей встретишь, пока до цели дойдешь, что все пробелы в знакомствах закроешь разом.

И вот он уже прошел первый отрезок большого пути.

Глава 4

Ногинск

– Дмитрич, у вас очков лимфокрасных нет, случайно? – это спросил Рэд, пока гостей вели по коридору.

– Каких-каких?

– Ну я, может, сказал не так... В которых в темноте видать. Я помню, что где-то мерил.

– Во-первых, «инфракрасных», – удержав смех, поправил Кирилл. – А во-вторых, если ты имеешь в виду прибор, который был у меня, то он работает по другому принципу.

Рэд сердито зыркнул.

– Вот именно, что «был»! Чучело косорукое... Теперь уж – по хренам, как он там работает! Раз такой умный, чего второй-то не взял?

Кирилл вздохнул. Смеяться расхотелось.

В первый же переход понял, сколь многих предметов, помимо запасного ПНВ, ему недостает – хотя, казалось бы, при сборах бункерные теоретики постарались смоделировать и предусмотреть любые ситуации. Однако собственная память взрослых о том, что нужно в дальнейшем походе, изрядно поистерлась – в последний раз Сергей Евгеньевич выходил за институтские ворота восемь лет назад, а «молодежь», в лице Вадима Александровича и Елены Викторовны, вовсе не считала нужным это делать. И опыт Германа не сильно помог: как показала практика, его воспитанники легко и непринужденно обходились не то что без приборов ночного видения, но даже без таких вещей, как носовые платки или туалетная бумага.

– Мы об этом не подумали.

Рэдрик фыркнул.

– Так че? – повторил он, обращаясь к Максиму Дмитриевичу. – Нету?

– Увы... А зачем тебе?

– Мне – без надобности. Этому вот пассажиру, чтоб не спотыкался на ровном месте! А то сплошной геморрой с ним.

Максим Дмитриевич посмотрел на «пассажира», как тому показалось, с сочувствием.

– Я тоже так и не научился передвигаться в темноте. Тебе, друг мой, к счастью, не понять, каким отвратительно беспомощным себя чувствуешь в такие моменты... У нас ничего подобного нет. Но ты прав, где-то точно есть, то ли в Киржаче, то ли в Пекше... Я спрошу ребят, возможно, вспомнят. Добро пожаловать.

Максим Дмитриевич привел постояльцев в комнату, которую назвал «гостевой» – небольшое аккуратное помещение с шестью кроватями.

– Душ, ты помнишь, в конце коридора.

– Помню. – Рэд уверенно прошел к одной из кроватей, стряхнул со спины рюкзак и принялся в нем рыться.

– Располагайся, – предложил Кириллу Максим Дмитриевич. – Рэд у нас – частый гость, видишь, не стесняется. И ты будь как дома.

– Спасибо.

– Не за что... Тяжело тебе с ним? – вдруг с ласковым сочувствием спросил мужчину, кивая на адапта.

Кирилл смутился.

– Да не особенно.

Рэд, стоящий к ним спиной, пренебрежительно дернул плечами. Максим Дмитриевич улыбнулся.

– Ты на него не обращай внимания. Грубиян, конечно – но это он так о тебе заботится. По-другому не умеет.

– Надо больно, – проворчал Рэд. – Нашли тоже няньку. – Содрал через голову майку и сел на кровать.

Кирилл поймал себя на том, что у него открывается рот. До сих пор такое телосложение только у киногероев видел.

Рэд изумленный взгляд заметил и категорически не одобрил:

– Чего уставился? Пуза голого не видал?

Кирилл торопливо отвел глаза.

– Мыться хоть – сам пойдешь, или опять за ручку тащить?

Кирилл вспыхнул.

– Я, между прочим, не просил меня тащить! И вообще, если ты вдруг не разглядел – тут есть освещение. Ни в чьем сопровождении я не нуждаюсь.

Рэдрик в ответ хмыкнул. А Максим Дмитриевич добродушно рассмеялся.

– Да ладно, будет вам! Располагайтесь. К семи часам – милости просим на ужин.

И вышел.

Кирилл, старавшийся, после внезапной глупой перепалки, не смотреть на Рэда, все же заметил, что тот продолжил раздеваться. Расстегнул ремень, украшенный пистолетной кобурой и чехлом для ножа, снял брюки.

– Ты так и пойдешь по коридору? – помолчав, уточнил Кирилл. – В одних трусах?

– Так и пойду. Можно прямо босиком, у них тут чисто. На фиг надо штаны мочить?

– Но... – Кирилл застопорился. – Как-то это, мне кажется, неудобно. Мало ли, кто тут, в коридоре... Ведь и женщины есть.

– Неудобно – спать на потолке, – сообщил Рэд, – одеяло падает. – Он, похоже, искренне недоумевал. – Ну есть – так и че? Мы ж не голяком чесать собираемся.

Кирилл почувствовал, что снова краснеет, отвернулся и принялся стаскивать одежду.

Для миссии ему выдали такое же снаряжение, как у спутников: футболку, камуфляжные брюки с курткой – Сергей Евгеньевич объяснил, что это – полевая военная форма, разработанная специально для походных условий, – ремень и головную повязку. К новой одежде Кирилл пока не привык, а ремень и вовсе никогда не носил, тугая пряжка вызывала затруднения.

По коридору он почти летел, спасаясь от возможных взглядов. Их, вопреки опасениям, не встретилось, а Рэд вдогонку ухмылялся.

Но это было еще полбеды. Гораздо большую неловкость Кирилл испытал, когда в душевой Рэд невозмутимо стащил с себя последнюю деталь туалета, прошлепал под лейку и вытянулся под струями воды, даже не отвернувшись. Только буркнул что-то, не расслышанное Кириллом – тот поскорей нырнул в соседнюю кабинку.

Даже своего друга Олега, с которым с младенчества обитал в одной комнате, Кирилл ни разу не видел раздетым. Любовь Леонидовна тщательно следила за тем, чтобы воспитанники, приняв перед сном душ, облачались в пижамы и выходили из ванной только в них: взрослые очень старались блюсти целомудрие «малышей», врач Григорий Алексеевич – и тот проявлял при осмотрах максимум такта. Бесцеремонность адапта, как и необходимость сейчас раздеться самому, смутила Кирилла до крайности. Тем более что душевая представляла собой не привычную ванную комнату – просторную, с запирающейся дверью, – а ряд из тесных кабинок с лейками, без всяких дверей, отделенных друг от друга перегородками.

Кирилл принялся крутить краны – вода полилась неохотно, тонкой струйкой.

Рэд, из-за перегородки, немедленно окликнул:

– Слышь, дятел! Ты че там делаешь?

– Воду включаю...

– Охренел, что ли?

Вода в соседней кабинке перестала течь. Через секунду Рэд оказался перед Кириллом – голый, сердитый и с мочалкой в руках.

– Я... – начал Кирилл.

– Головка от торпеды! Сказал же – после меня пойдешь, у тебя бананы в ушах? Нас с тобой всего двое, на фиг надо насос перегружать? Думаешь, у людей тут вечный двигатель? И так вода еле идет. Дуй на мое место, я пока намылюсь.

Рэд схватил Кирилла за плечо, выдернул из кабинки и затолкнул в свою. Сунул под лейку.

Вода полилась обжигающе горячая. Кирилл, не удержавшись, взвизгнул.

– Горячо!

– Подожди маленько, сейчас нормальная пойдет. А чего за яйца держишься? Тоже, что ли, натер?

Рэд кивнул на руки Кирилла, которыми тот неловко прикрывался.

– Нет! – Кирилл от смущения уже не знал, куда деваться. – Я... Мне... Неудобно находиться обнаженным в твоём присутствии. Отвернись, пожалуйста! Или отпусти, я сам отвернусь. И не надо на меня так смотреть! И не спрашивай больше ни о чем.

Если бы Рэд продолжил расспросы – он, возможно, даже от слез не удержался бы. Но, слава богу, адапт ничего не ответил. Молча выпустил его плечо и отступил.

Мучительный стыд за эту сцену терзал Кирилла до самого ужина.

Когда они с Рэдом, не обменявшись больше ни словом, вернулись в спальню, там уже были другие парни из команды. Они шумно, словно оттягиваясь после вынужденной тишины похода, разговаривали – каждый орал от своей кровати.

Разговор шел о дискотеке. Краешком тренированной памяти Кирилл вспомнил, что так называется разновидность развлечения, непрофессиональные танцы под примитивную музыку, но в суть разговора вникнуть не пытался. Он очень боялся, что Рэд сейчас что-нибудь скажет: такое, после чего ему останется только умереть со стыда. Но командир, как ни в чем не бывало, включился в общую беседу – если стоящий в комнате гвалт можно было так назвать – и, казалось, перестал обращать внимание на Кирилла.

А потом они пошли ужинать.

* * *

В Бункере, разумеется, тоже была столовая – белая, как и все остальные помещения, с раздаточным окном, скучными пластиковыми столами и большим, в полстены, монитором. Кухня находилась за перегородкой, и Кирилл туда не заглядывал, не интересовался как-то. А здесь столовую от кухни ничто не отделяло, и никаких мониторов в помине не было.

В глубине помещения стояла огромная плита на дровяном, очевидно, отоплении. Рядом – длинный разделочный стол и полки с посудой. Тонкие перила огораживали спуск в подвал – там, судя по всему, хранились продукты, и женщины в фартуках за перила то ныряли, то выныривали. Вдоль стен протянулись столы с лавками, и за столами уже сидело местное население. Под потолком приветливо горели светильники.

Гости расселись. Кирилл оказался между Ларой и парнем из команды – адапты по-военному именовали себя «отрядом» – которого звали Джек. Ребята говорили «Жека». Кирилл еще на дороге определил, кому принадлежит насмешливый голос. И имена других парней запомнил: Люк, Саша и Гарри.

Официально представлять спутников друг другу Рэд, очевидно, посчитал излишним, а сам Кирилл решил не навязываться. В спальне, при свете, определил, кто есть кто. Заметил, украдкой разглядывая «отряд», что рельефностью мышц Рэду не уступает ни один из товарищей, а здоровенный, на голову выше всех, силач по имени Люк – пожалуй, превосходит.

Джек – насколько понял из замечаний парней Кирилл – обладал в отряде репутацией ловеласа. Устремленные к веселому красавцу взгляды местных девушек догадку подтверждали. Кирилл оказался не единственной мишенью для насмешек – Джек с удовольствием поддразнивал всех, кто попадался под руку, однако хохотал при этом так заразительно, что присоединялись сами высмеиваемые.

Напротив Кирилла сидел Максим Дмитриевич. Справа от хозяина – Рэд, а слева – девушка, глядя на которую Кирилл подумал, что вот он – великолепный пример передачи наследственных генов от родителей к потомству. Девушка была очень похожа на Максима Дмитриевича.

– Моя дочь, Татьяна, – представил соседку ногинский глава. – А это другие наши бойцы – Егор, Алексей...

«Бойцов» Кирилл не запомнил. Ему все еще было неловко. На счастье, Максим Дмитриевич отвлек разговором – принялся расспрашивать, как дела в Бункере, как там Сергей Евгеньевич, Вадим Александрович, Любовь Леонидовна... Он всех знал по именам и, кажется, о бункерных делах был неплохо осведомлен и без гостя.

– Вы у нас бывали? – вежливо поинтересовался Кирилл.

– Бывал, а как же. Давно, правда. Тебя и других ребят совсем малышами помню.

Кирилл заметил, что Рэд при этих словах бросил на Максима Дмитриевича любопытный взгляд, однако вопросов задавать не стал.

Прочие адапты бункерными событиями не интересовались, болтали о своем. Кирилл слышал не все, понимал еще меньше, но, отвечая Максиму Дмитриевичу, к разговорам по соседству тоже старался прислушиваться. Он не хотел и дальше быть дураком и посмешищем. Как бы ни претило, научиться говорить на одном языке с адаптами придется. А посему, нужно как можно быстрее накопить достаточный словарный запас – по счастью, язык у новых знакомых примитивный.

– ...В Киржач заезжать будете?

– А смысл? Дневать все равно не пустят, у нас, вон, скверны полная телега... – кивок в сторону Лары, и тут же прилетевшая в ответ на странное заявление кость из ее тарелки.

– Спасибо, лапушка. Дай те бог здоровья. – Это Джек поймал кость на лету.

– ... Да че там делать, в Киржаче? Взять с них нечего, кроме яблок.

– У них еще лимоны, – напомнила Татьяна. – Сейчас уже должны быть.

– Да, лимоны – витамин С, – подхватила Лара, – они всем нужны. Если хотя бы до Вязников дотащим, загнать нормально можно будет.

– Охота вам с Олеской на дороге ждать? «Витамин С», – поддразнил Джек.

– Ничего, подождем. Не развалимся.

– Да че вам те лимоны, небось, монахов поглядеть охота, – продолжал дразнить Джек. – Чем они таким от нормальных мужиков отличаются? Не надейтесь, не покажут. Дальше ворот не пустят.

– Дурак, – фыркнула Лара. Но по-прежнему улыбалась, было видно, что не сердится. Она вообще много и с удовольствием улыбалась, отчего на щеках появлялись ласковые ямочки. – За десяток лимонов, если нормально доведем, в Вязниках свинью с поросенком сторговать можно.

– Свинья с поросенком – дело, – уважительно протянул кто-то.

– Да куда ее, свинью? – снова вмешался Джек. – С собой в телеге тащить? А на день в палатку складывать – к вам с Олеской под бок?

– На обратном пути забрать. Генератора-то не будет уже, в Нижнем отдадим.

– А этого, лохматого – далеко везете?

Кирилл рассказывал Максиму Дмитриевичу о том, что последний опыт – на хлопке – у Вадима с Еленой вышел удачным, и, если дальше так пойдет, скоро можно будет засеять поля,

ничем их от солнца не укрывая. Но тут услышал, что разговор адаптирован стих, все косятся на него – того самого «лохматого», и порадовался неяркому свету в помещении. Не очень должно быть видно, как покраснел.

– Вот что, ребята... Извини, Кирилл, перебыю тебя.

Максим Дмитриевич встал.

– Вам уже, наверное, много напутственных слов сказали. Но я – от лица нашей, так сказать, общины, – все же добавлю. – Ногинский глава откашлялся. – Удачи вам, ребята. Рэд – молодец. Смелый, решительный – настоящий мужчина. Герман может тобой гордиться, сынок.

– У нас все такие, – отводя глаза, пробормотал Рэд.

– Не перебивай. И ты, Кирилл, умница. Я слушаю тебя – и вижу, сколь многое ты перенял от Сергея, Вадима, других людей. Они – истинные ученые. Одержимые наукой, знаниями, уверенные, что нет предела человеческим возможностям! Пока человек может мыслить и творить, он существует. То, что случилось, развело вас по разные стороны. Рэд не обладает твоей эрудицией, ты – его навыками. Мы, взрослые, очень перед вами виноваты. Довели планету до такого состояния, что мир перевернулся...

– Пап, ну ты опять? – досадливо вмешалась Татьяна. – Ты-то тут при чем – «мы виноваты»? Ты – не президент и не министр! Обычный зубной врач, всю жизнь детишек лечил, вот в этой самой поликлинике! – Она постучала по стене за спиной. А Кирилл, покопавшись в памяти, припомнил, что такое «поликлиника». – Как ты мог на что-то влиять?

– Мог, Танечка, – вздохнул Максим Дмитриевич. – Все мы, взрослые, так или иначе, на что-то могли влиять. Могли, да не захотели. Не вмешивались, не протестовали, не пытались разобраться. Думали, что и без нас обойдется, а наша хата – с краю. Наше дело – детишек лечить... А расплачиваетесь вы.

Татьяна сердито молчала, но по лицу было видно, что отцовское самоуничижение не одобряет.

– И так уж выходит, что груз теперь – на ваших плечах, – продолжил Максим Дмитриевич. – Только вы сами и можете спасти свое будущее. Спасти человеческую расу, как таковую! Суметь продолжить себя в своих детях... У которых, когда подрастут, будет хватать времени и на учебу, и на физический труд. Нынешняя ситуация, в которой одни занимаются только наукой и не в состоянии перемещаться по поверхности, а другие – только войной и крестьянством, не притрагиваясь к книжкам – я считаю, в корне неправильная. Вы сейчас друг на друга смотрите так, будто с разных планет прилетели. – Мужчина перевел грустный взгляд с Кирилла на Рэда и обратно. – Вот что, мальчики. Вы, конечно, друг другу не нравитесь. Иначе и быть не может – слишком разные... Но просто запомните то, что я сейчас скажу. Сила вы – только вместе! И вот за это мы сейчас выпьем. – Максим Дмитриевич поднял стакан.

Речь – для Кирилла, по крайней мере – оборвалась неожиданно. В Бункере взрослые, ударившись в философию, могли рассуждать часами. И кстати, мысли в этом направлении Сергея Евгеньевича совпадали с теми, что Кирилл услышал сейчас. А вот Вадим с Еленой считали по-другому.

– Сергей Евгеньевич, не сравнивайте, пожалуйста, – недовольно хмурясь, возражала обычно Елена, – наших ребят и этих дикарей! Сколько на них Любовь Леонидовна жаловалась – ленивые, неусидчивые, ни малейшей тяги к знаниям! Чуть дай им волю – наши за планшеты хватаются, а эти на стадион несутся, в «игры» свои безумные играть. Если человек не хочет интеллектуально расти, это желание ему не привьешь, поймите! Люди неравны по природе своей, по уровню возможностей и способностей.

– То есть, ты считаешь, что все воспитанники Германа интеллектуально ниже наших? – сердился Сергей Евгеньевич. – Все шестьдесят человек?

– Я считаю, что если бы они были равны с нашими малышами и действительно хотели учиться, то ходили бы за Любовью Леонидовной, как хвостики, и в рот бы ей заглядывали!

А этих, сколько ни корми, все в лес смотрят. Вы видели, как они себя ведут, оставшись без присмотра? Это же, простите, бандерлоги какие-то! Хорошо, что хотя бы Германа слушаются. Если б его не боялись – все бы здесь вверх дном перевернули, и за партой вы их не удержали бы, ни за какие коврижки.

– Да и сам Герман, прямо скажем, не Эйнштейн, – саркастически добавлял Вадим. – Было, как говорится, у отца три сына: двое умных, а третий – хоккеист... Вот он их и воспитал – по своему, что называется, образу и подобию.

– Вадик, – огорчился Сергей Евгеньевич, – Леночка! Ну как вам не стыдно! Будто не знаете, в каких условиях им всем, вместе с Германом, приходится жить, как тяжело они трудятся, насколько они...

И далее следовал давно приевшийся рассказ о нелегком труде адаптов.

– Разумеется, мы знаем, – со скучающим видом кивала Елена Викторовна. – Но это, простите, только лишнее доказательство тому, что каждый должен заниматься своим делом. Сопоставимым, так сказать, с уровнем способностей. Не надо учить кухарок управлять государством. Это, как показала история, дурно заканчивается.

Кирилл, которому изредка удавалось подслушать дискуссии взрослых – делал он это только в отсутствие Любови Леонидовны и ровно до того момента, пока она не появлялась – воспитательница была категорически против участия «малышей» во взрослых дебатах, – разделял, скорее, мнение Вадима и Елены. Сергей Евгеньевич, точку зрения которого Кирилл привык уважать, тоже, безусловно, в чем-то был прав – но ставить на одну доску их с друзьями и полуграмотных адаптов... В тот момент самому одаренному ребенку из группы «Солнышко» в голову не могло прийти, что когда-нибудь он будет жадно ловить каждое, произнесенное «бандерлогами» слово.

Максим Дмитриевич прав – с адаптами они и впрямь, будто с разных планет. Он понимает едва ли половину того, о чем говорят между собой спутники. И вот интересно, кстати – адаптам вообще известно, что все они живут на планете Земля? И что во вселенной есть другие планеты – а также звездные скопления, планетоиды, астероиды, и еще масса всего?

Кирилл покосился на соседей – на Лару, потом на Джека. Очень вовремя – те поднимали стаканы. Он, спохватившись, взял свой.

Стаканы со звоном ударились друг о друга. Все выпили, и Кирилл тоже – едва не поперхнувшись. Шепотом спросил у Лары, морщась и ставя стакан на стол:

– Что это?

– Сидр, – удивилась та. – Вкусный, чего кривишься?

– Я никогда раньше не пробовал алкоголь, – вспомнив, что означает «сидр», признался Кирилл.

– Да ты че?! – Джек охнул и схватился за сердце. – Ну все, звездеч тебе теперь. Через минуту под стол рухнешь. Держись за лавку крепче!

Кирилл машинально схватился за лавку. Потом покосился на Лару, и по ее попыткам сдерживать смех понял, что над ним издеваются. Разжал руки.

– Сам держись, – буркнул он.

В пререканиях с Олегом такая тактика обычно срабатывала.

Джек открыл было рот – явно не планировал оставлять жертву в покое, – но тут, по счастью, Татьяна принялась дергать отца за рукав.

– Пап, ну хватит, что ли? Официальная часть закончена? Ребятам вставать рано, а мы еще потанцевать хотели.

Максим Дмитриевич сделал строгое лицо.

– До одиннадцати! Не дольше! Пожалейте гостей.

– Да не дольше, не дольше... Наро-од! – бодро окликнула Татьяна. – Сдвигай столы! Тащи музыку!

Поднялся веселый кавардак, и стало ясно, чего все так ждали и почему с таким нетерпением переглядывались.

Кто-то уносил посуду, кто-то сдвигал столы. Притащили «музыку» – автомобильную магнитоу. Мелодию, полившуюся из магнитолы, Кирилл узнал – слышал эту композицию не раз в комнате у Даши. Сам он музыкой не увлекался, а вот подруга подобные тягучие напевы обо-жала.

Адапты быстро разбились на пары – парень подходил к девушке, брал за руку, они выходили в центр, обнимались и начинали покачиваться. Ничего общего эти «танцы» с теми – бал-ными и народными – которые Любовь Леонидовна показывала воспитанникам на мониторе во время уроков общего развития, не имели. С балетом – тем более. Сложностью движения танцующих не отличались. Пожалуй, и Кирилл смог бы так покачиваться – если бы набрался смелости подойти к девушке. Он представил, что тут была бы Даша... Да, пожалуй, ее без стеснения сумел бы пригласить. И у них нашлось бы, о чем поговорить, покачиваясь вот так.

Композиции сменяли одна другую. На третьей или четвертой к Кириллу подошел Максим Дмитриевич.

– Засыпаешь?

– Ага.

– Вот и я тоже. Пойдем, провожу в спальню. Этих-то, двужильных, если не разогнать – весь день плясать будут.

В коридоре было темно, Максим Дмитриевич зажег фонарь. Его луч осветил вспорхнувшую с подоконника пару. Подойдя ближе, Кирилл не без удивления узнал Джека. Адапт засло-нил собой девушку, торопливо поправлявшую одежду – за его спиной мелькнула голова с раз-ноцветными заколочками. В отличие от подруги, внезапным появлением посторонних ловелас не смутился.

– Ух ты! Никак, сокровище наше. – Джек скользнул по Кириллу насмешливым взгля-дом. – Дмитрич, тебе, может, помочь? А то ж оно у нас на трезвяк-то спотыкается, а тут еще алкоголя употребило! Как бы по дороге не рухнуло.

– Спасибо, – сухо отказался Максим Дмитриевич, – обойдемся. Перевел взгляд на девушку. – Наталья?...

Та, покраснев, забормотала что-то про «стоим, разговариваем» и «че такого». Максим Дмитриевич вздохнул.

– Да говорите на здоровье. Только слез потом не лей... Идем, Кирилл.

– Беда сплошная с этими девицами, – поделился со спутником он.

Кирилл, мало что поняв, многозначительно «угук-нул». А Максим Дмитриевич погру-зился в свои – очевидно, невеселые – мысли и больше ничего не говорил до самой спальни.

– А Рэда ты слушайся, – неожиданно посоветовал мужчина перед тем как попрощаться. – И других не чурайся. Что бы там ни было, ребята они правильные. Если кто здесь и способен довести тебя до места, так это Сталкер... Хорошего отдыха.

Глава 5

Ногинск – Киржач (40 км)

– Все, приплыли. Днюем тут.

Телега остановилась, и Кирилл едва не завопил от радости. Сегодня он «учился ходить», держась за Рэда, дважды: до обеда и после. И если до обеда все шло неплохо и два часа честно отшагал, то потом, после того, как отдохнул в телеге и поел, оказалось, что ноги за это время налились свинцом. Они стали страшно тяжелыми и болели. Передняя поверхность, задняя – каждый шаг отдавался болью.

Кирилл сказал об этом Ларе. Та сноровисто ощупала ноющие конечности.

– Так больно?... А так?... Нормально все, – уверенно заявила она. – Это мышцы, с непривычки болят. Сегодня и завтра помаешься, а потом полегчает. Как на дневку встанем, напомним, разомну тебя. А пока – терпи. И смотри, Сталкеру не жалуйся! Он хуже Германа, нытья терпеть не может.

И Кирилл, сцепив зубы, терпел. Жаловаться Рэду он и без Лариного предупреждения не стал бы – тем более что тот со вчерашней ночи общался со спутником исключительно короткими командами. Слезай, пошли; стоп – яма; налево, направо – и все.

В палатке Кирилл выбрался из кокона, зажег фонарь и принялся обустраиваться. Снаружи доносились негромкие звуки – адапты занимались своими делами.

На вопрос любознательного миссионера, почему на дороге нельзя даже фонарем пользоваться, а во время стоянок отряд спокойно разжигает костры, не опасаясь ни Диких, ни расплодившихся в лесу хищников, Лара с недоумением ответила, что ни Дикие, ни звери из ума пока вроде не выжили. Первым в свое время так «насовали», что нападать на охраняемый лагерь не рискнут, даже если будут с голоду помирать – разве что какие-нибудь отморозки нездешние сунутся, которые про Сталкера не слыхали. А от вторых отлично защищает костер.

Сама Лара Кирилла скоро навестила – принесла ужин.

– Сталкер велел в палатке тебя кормить, – пояснила она. – Чтоб ты по темноте не шарился.

– Спасибо. А ты?

– Я – со всеми. Ешь, я подожду, чтобы посуду забрать. Ты ведь сам помыть не сможешь.

– Спасибо, – неловко повторил Кирилл.

И подумал, что новый ПНВ нужен до зарезу. Без него он получается абсолютным иждивенцем: адапты ставят лагерь, готовят еду, моют посуду, а «пассажир» сидит в сторонке и палец о палец ударить не в состоянии.

С одной стороны тут, конечно, налицо то самое разделение по способностям, о котором говорили Елена и Вадим – в Бункере ведь тоже готовила и мыла посуду повариха Валентина Семеновна. А тут... Тут это, наверное, не так-то легко сделать. И вроде несправедливо получается.

– А где Рэд? – скрывая неловкость, перевел разговор Кирилл. – То есть, Сталкер?

– С парнями в поселок ушел. – Лара была занята: она рассматривала собеседника. Занималась этим с самой первой ночи, ужасно тем самым предмет разглядывания смущая. – Часа через два нарисуются, не раньше.

– А тут есть поселок?

– Прикинь, – фыркнула Лара. – Киржач.

– А скажи, пожалуйста...

Кирилл догадывался, что и этот вопрос покажется адаптке глупым – как казались спутникам большинство его вопросов, – но любопытство пересилило. К тому же Лара, при всем

своем странно повышенном интересе к его персоне – не Рэд. Она добрая, веселая. Если командира навязанный в Бункере попутчик очевидно раздражал, то ее скорее забавлял. И улыбка у Лары была очень милая.

– Почему же тогда мы спим в палатках? Почему нельзя в этом Киржаче остановиться?

– Они к себе дневать не пускают. Они там вообще на всю башку долбанутые.

– То есть?

Лара вздохнула.

– Вы в своей норе вообще, что ли, сидите – ни хрена не знаете? Они, это самое... не помню, как называется. Которые в бога верят.

Лара нахмурилась, вспоминая нужное слово. Кирилл попробовал помочь:

– Монахи?

– Не... По-другому как-то. Герман говорит, это были такие люди, которые вообще ни фига не делали, даже не работали, молились только. Им ихние главные головы морочили – и они все отдавали, что у них было. И вообще во всем слушались. Им скажут убить кого-нибудь – убьют. Скажут с собой покончить – покончат. Представляешь, какие придурки?

– Может, сектанты?

– Ну, может... Не помню. В общем, когда все случилось, тут как раз эта их банда стояла. Собрание было какое-то, со всей страны понаехали. Взрослые, как везде, почти все сгорели, а который остался – у него жена сгорела. И крыша поехала из-за этого.

– Что? – не понял Кирилл. – Какая крыша? Куда поехала?

Лара расхохоталась.

– Блин, помрешь с тобой! Никуда, просто говорят так. Чокнулся он, – пояснила она. – Ну, с ума сошел. Решил, что это их бог наказал – из-за того, что они со своими женщинами сексом занимались. И до сих пор так думает. Девчонок он всех выгнал, и они умерли, а может, он их даже сам перебил – это сейчас уже никто не знает. А пацанов оставил. Они, конечно, выросли давно, старше нас. И теперь, получается, у них поселок – человек двадцать, но там ни одной женщины нет. Герман тому уроду сто раз объяснял, что бог тогда, получается, весь мир наказал – а тот будто и не слышит. Твердит – «мы несем кару господню», и хоть ты тресни. Герман, когда еще один ходил, дневал в Киржаче, но, говорит, паршиво там. Прямо, говорит, как будто давит все! И кормят поганно. В общем, мы в Киржач на дневку даже не просимся. Тем более, нас с Олеськой они бы все равно не пустили. Потому что мы – скверна. Это значит, плохие, – с важностью пояснила Лара слово, которое, вероятно, сочла Кириллу неизвестным – хотя как раз его-то он знал. В отличие, например, от понятия «заниматься сексом» – которого не знал, но переспрашивать постеснялся. – Наши над ними ржут, а этим по фигу...

Кирилл слушал жуткую историю и поражался беспечности, с которой звучал рассказ.

Некто – человеком это чудовище не назовешь – в угоду своим странным и явно психопатским наклонностям то ли убил, то ли выгнал на произвол судьбы – учитывая обстоятельства, разница невелика – десяток, а то и больше, маленьких девочек! А оставшимся с ним, когда-то тоже маленьким, мальчикам, на всю жизнь изуродовал психику! И Герман, командир адаптов, об этом знает – и общается с сумасшедшим выродком? Как ни в чем не бывало? А Рэд и другие ребята преспокойно ведут с ним товарообмен – яблоки, лимоны, что-то там еще...

Ох. Яблоки и лимоны!

Кирилл очень любил и то, и другое, а лимоны мог поглощать прямо дольками, удивляясь прочим обитателям Бункера, которых перекашивало от одного только зрелища. Любовь Леонидовна говорила, что тут налицо нарушение кислотного баланса – дисфункция, конечно, но неопасная, наоборот, натуральные витамины очень полезны. Так вот, откуда любимые «витамины» появлялись в Бункере!

Кирилла даже в пот бросило. Неужели Сергей Евгеньевич все это знал? И ничего не делал? Ведь Цепь составила около десяти лет назад, эти мальчишки, которых сейчас превра-

тили в сектантов, были тогда совсем маленькими. Их ведь сто раз можно было забрать из Киржача! Не к Герману отвезти, конечно – тому со своими бы управиться, – но есть ведь другие поселки. Как же так...

– Ты чего? – встревожилась Лара. – Морда – как будто на змею наступил. Тошнит, что ли?

– Нет... Спасибо. Просто устал. Ты иди, пожалуйста. Я посплю.

– А ноги? Давай, массаж сделаю?

– Не надо. Спасибо. – Кирилл боялся, что не сдержится и начнет задавать вопросы, которые задавать не следует. – Хорошего отдыха.

– И тебе. – Лара, собрав посуду, в недоумении вылезла из палатки.

А Кирилл сжался в комок, и долго так пролежал.

Он только сейчас начал понимать, что имел в виду Сергей Евгеньевич, когда говорил: «Ты встретишь там другую жизнь. Совершенно не похожую на ту, которой живем мы. Она наверняка тебя шокирует, скорее всего, напугает...»

«Я не боюсь!» – Кирилл тогда казался себе очень храбрым.

«Это ты сейчас не боишься. Здесь, в Бункере, мы создали для вас мир, в котором нечего бояться. А там, на поверхности, тебе не раз станет страшно. И больно, и отвратительно... Каждое из поселений Цепи развивалось по своим законам, и далеко не везде эти законы совпали с общечеловеческими. Диким – тем всего понадобилось несколько месяцев, чтобы скатиться в каменный век. Человек, как ни жестоко это звучит, гораздо ближе к животному, чем кажется. Он с удивительной охотой дичает. Подчиняется более сильному, зарастает грязью, перестает контролировать свои чувства и желания. Ведь это так легко и приятно – поддаться гневу! Или страху! Уйти от ответственности, сломаться, говоря себе – он сильный, он меня заставил! Я бы этого не сделал, но что я могу – против него... Ты можешь быть очень сильным физически, но подспудное желание повиноваться сидит в каждом. Каждому хочется, чтобы кто-нибудь думал и решал за него: такова природа человека. И именно тем ты и отличаешься от животного – тем, что побеждаешь свою природу. Преодолеваешь ее. Учишься мыслить и принимать решения, бороться с собственной ленью, страхами, желаниями. Но, к сожалению, далеко не все представители рода человеческого готовы к подобной борьбе».

Кирилл тогда важно кивал – уверенный, что уж он-то готов к чему угодно.

А сейчас... Сейчас картина мира, до сей поры такая знакомая и понятная, стремительно поворачивалась другой стороной. Кирилл лежал и думал.

* * *

Рэд появился в палатке уже почти засветло. К тому времени у Кирилла был готов вопрос, с которого собирался начать беседу. Аккуратно выведать, предпринимал ли Сергей Евгеньевич попытки спасти несчастных мальчишек. Непонятно, для чего, но почему-то очень хотелось убедиться, что предпринимал.

– Скажи, пожалуйста, а откуда в Киржаче лимоны?

Рэд не удивился ни вопросу, ни тому, что Кирилл не спит.

– Эти убогие в доме живут, где раньше префектура была, – вытаскивая из рюкзака спальник, пробурчал он.

Кирилл, покопавшись в памяти, вспомнил, что такое «префектура». И догадался, что пренебрежительное «убогие» – состоящее из одних лишь представителей мужского пола население Киржача.

– До того, как все случилось, там дерево росло, лимонное. Прямо в доме, в здоровом таком горшке. Для красоты. Потом они из косточек новые деревца вырастили. Большие уже, мне вот так. – Рэд показал по плечо. – Герман говорит, что ему точно не светит, а вот если кто из нас еще лет хотя бы десять протопчется – может, и новый урожай попробует.

– Герман сам еще не старый, – обескураженно пробормотал Кирилл. Вроде бы подготовился к разговору, но от такого цинизма слегка растерялся. – Ему жить да жить...

Рэдрик вместо ответа поглядел непонятным долгим взглядом, но ничего не сказал. Принялся раздеваться.

Снаружи почти рассвело, ткань палатки удерживала ультрафиолет, однако свет пропускала отлично. И Кирилл вдруг заметил на бурой спине Рэда, на его руках и плечах темно-коричневые пятна. При искусственном освещении они сливались с кожей, а сейчас отчетливо проступили.

– Что это?

– Где?

– Ну, вот... Разводы.

Рэд попытался рассмотреть спину, явно не понимая, о чем речь.

– Да где?

Кирилл неловко указал на голое плечо.

– Вот... И вот.

– А-а. Так это от солнца, они у всех такие. Ну, то есть, у нас – у всех. Кто больше по солнцу шарился – у тех больше, кто меньше – у тех поменьше.

– Я не замечал.

Рэд хмыкнул.

– А ты нас вообще замечал?

– Конечно! Вы же все у нас учились. И каждую неделю приходили, с продуктами.

– Мы-то приходили. Вот только тебя я ни разу не видал! Хотя, между прочим, целый год на вашу школу угробил. И потом, вы ж на свет не выползаете. А при лампочках ожоги плохо видны.

Ответить тут было нечего. До сих пор Кирилл действительно с адаптами не общался.

Никто им с Олегом и Дашей этого не запрещал, просто расписания занятий не совпадали. Когда у Кирилла с друзьями наступал перерыв, адапты занимались. И наоборот. В свободное время воспитанники Германа гуляли на стадионе, а троица из группы раннего развития «Солнышко» – около бывших испытательных стендов, с противоположной стороны, бункерный ремесленник Тимофей оборудовал там для них детскую площадку.

Адапты носились по стадиону в полной темноте, и разглядеть их сверстники не могли. Да и Любовь Леонидовна уверяла, что смотреть на действо, которое «эти бешеные сайгаки» именуют игрой, а уж тем более принимать в нем участие, цивилизованным людям ни к чему. На площадке «малышам» на время прогулок включали свет, но площадка была обнесена глухим забором с колючей проволокой – защитой от зверья, – поэтому увлеченные игрой адапты соседей не видели. И, как понял сейчас Кирилл, даже не догадывались об их существовании.

Продукты подопечные Германа привозили ближе к утру, когда бункерные «малыши» занимались в лаборатории или смотрели учебные фильмы. И то и другое было значительно интереснее, чем мелькающие в коридоре фигуры, кажущиеся одинаковыми в своих камуфляжных костюмах, молчаливо таскающие мешки и ящики. Да и находиться в это время суток вблизи открытого люка для обитателей Бункера было небезопасно. Те, кто жил под землей, действительно никогда не «выползали на свет». За них это делали адапты. И расплачивались за приспособленность к новому миру собственной шкурой – в самом что ни на есть прямом смысле.

Не то чтобы Кирилл раньше всего этого не знал. Сергей Евгеньевич часто рассказывал об адаптах – о том, что подземные жители многим им обязаны, что тяжелый труд «наших кормильцев» следует уважать. Рассказывал об удивительных адаптских глазах – приспособившихся к ночной темноте, но утративших пигмент радужной оболочки. Все питомцы Германа родились обычными ребятами, с разным цветом глаз, но из-за постоянного нахождения в тем-

ноте и воздействия на организм излучения, цветность постепенно пропадала. Годам к десяти глаза адаптов приобрели одинаковый светло-серый – или, реже, светло-желтый, как у Рэда – оттенок. Брови и ресницы из черных превратились в белые. Волосы стали расти гуще, но выпвели и утратили мягкость. Длинными они не отрастали, обламывались. То же самое у взрослых юношей происходило с усами и бородой. А кожа адаптов, напротив, потемнела, приобретя густо-бурый цвет, и если кто-то из них – «некоторые беспечные личности, по недосмотру и легкомыслию» – оставался на солнце дольше, чем положено, расплачивался за это жестокими ожогами, следы от которых невозможно было свести.

Любовь Леонидовна сопровождала лекции показом фотографий, на которых хорошо были видны эти самые следы. И никогда не ленилась повторить, что это адапты отделяются ожогами, потому что уже приспособились к нынешнему жестокому солнцу. А, попади на свет кто-нибудь из них, обитателей Бункера, пусть даже на гораздо меньшее время – непременно умрет в страшных муках! И выразительно смотрела на Олега, который не раз заявлял, что вот бы было интересно посмотреть, как там и что, за воротами Института.

И вот сейчас Кирилл воочию увидел, как именно адапты «отделяются». И, оказываясь, вовсе не «некоторые беспечные личности», а каждый из них.

– Это... очень больно?

– Что? – не понял Рэд.

Пока Кирилл предавался задумчивости, адапт деловито готовился ко сну – раскатывал коврик и спальный мешок.

– Ну, вот... когда солнце обжигает.

Рэд перестал укладываться. Светлые глаза нехорошо прищурились.

– Я тебе кто – крыса ваша подопытная? Обожжет, тогда узнаешь.

Кирилл обиженно замер.

– Если обожжет, я просто умру, и все.

– Не просто, – буркнул Рэд. – Сперва помучаешься.

Однако тон немного сбавил. Он, очевидно, знал, что Кирилл говорит правду: для него ожоги будут смертельными. Не в первый уже раз Кирилл подумал, что, кажется, этот парень знает о нем гораздо больше, чем сам он – о Рэде и его соплеменниках.

– Не ссы, не обожжешься. Не дам.

Рэд вдруг резко качнулся в сторону Кирилла – тот в испуге отшатнулся. Но адапт, бросив на него презрительный взгляд, всего лишь погасил забытый фонарь: сдавил фитиль прямо голыми пальцами.

Кирилл не сдержался и охнул.

– Дрыхни давай, – проворчал Рэд. – Время – белый день, завтра глаз не продерешь. И не шарахайся так. Если соберусь влить, все равно никуда не денешься. А на солнце лучше не попадай. Это – боль такая, что лучше б сдохнуть. Ты хоть знаешь, почему мы такие сильные?

– Потому что курите, а это очень вредно для легких и связок, – брякнул Кирилл.

И тут же понял, что, кажется, сморозил очередную глупость.

– Во-о-он оно что, – непонятно глядя на него, протянул Рэд. – Курим, значит. Прямо в колыбели начинаем, или как?

– Я... не знаю, – смешался Кирилл. – Просто... Нам так говорили.

– Ну да. Даже знаю, кто говорил! А еще что мы делаем? Торчим-бухаем, девок портим? Как Дикие, да? И у нас поэтому кожа как у негров, и волосы белые – так?

– Нет! – выкрикнул Кирилл. Ему очень хотелось заступиться за Любовь Леонидовну. И было страшно неловко оттого, что про пьянство и сравнение с Дикими Рэд угадал. – Любовь Леонидовна объясняла, что это от солнца.

– Надо же. А могла бы сказать, что все от «нездоровых привычек», – адапт очень натурально передразнил воспитательницу. – Вы б и на это повелись. – Заступничество Кирилла Рэда не проняло. – Вот же дура старая.

– Замолчи! – Кирилл очень постарался, чтобы голос прозвучал твердо. – Не смей так говорить о Любове Леонидовне. Может быть, она не во всем права, но это – не повод оскорблять пожилую женщину. Тем более, в моем присутствии.

– Да ладно? – Рэд прищурился. Плавным рывком – только адапты так умели, пластично, но очень быстро – перетек из лежачей позы в сидячую. – В присутствии? И что ж ты мне сделаешь, интересно? По хлебалу зарядишь?

– Перестань. Я уже говорил, что не умею драться. Кроме того, мы оба знаем, что ты не причинишь мне вреда.

На это Рэд не ответил. Молча улегся на спину. В пальцах у него зашевелился невесть откуда взявшийся веер сюрекенов, адапты любили их крутить.

Веер то сдвигался, то раздвигался, словно машущая крыльями птица. Учитывая, что края «звездочек» были острее бритвы – Кирилл покосился на залитый медицинским клеем палец – это занятие требовало необыкновенной ловкости. Зрелище завораживало. Кирилл следил за сюрекенами, словно заколдованный.

– А чего ж тогда шарахаешься, как от чумного? – Веер в адаптских пальцах замер. – Если вреда не причину?

– Это... от неожиданности.

Рэдрик хмыкнул. Веер снова пришел в движение.

– Подожди, – заторопился Кирилл. Сейчас очень важно было все объяснить. – Я вовсе тебя не боюсь! Просто не привык пока. Тебе ведь случалось у нас бывать, ты сам видел, что в Бункере – совсем другая жизнь! У нас за эти пятнадцать лет как будто разные культуры сложились, понимаешь? У вас – военизированная, походно-полевая, а у нас – типичный академический рассадник. – Это было любимое выражение Сергея Евгеньевича. – У нас никто никого не окрикает, не одергивает, не командует. Все – взрослые, умные люди, и все отлично знают свое дело...

– А мы не знаем, да? – набычился Рэд. – Вы – умные, а мы говно бессмысленное – так, что ли?

– Да я не о том! Ну почему ты сразу в бутылку лезешь? Я про себя говорю. Пытаюсь тебе объяснить, что к окрикам не привык. И чтобы меня дергали или толкали, тоже не привык... А еще меня никогда не били. А ты уже – сколько раз ударил.

– Я тебя бил?! – взвился Рэд. Он даже из спальника выпрыгнул от возмущения. – Когда?!

Сюрекенов у него в руках уже не было. Мощью обнаженного тела и позой – встав на одно колено, нависнув над Кириллом – рассерженный адапт напоминал гладиатора из сериала «Спартак». Если бы гладиаторы носили мешковатые трусы непонятной расцветки.

– Сегодня, – растерялся Кирилл, – когда мы на дороге были. Я отвлекся и в яму наступил, чуть не упал. Ты меня тогда поймал, говоришь – куда ж ты прешь, жопа слепая? – и коленом по задку стукнул. Помнишь?

Рэд так яростно возмутился, что Кирилл, несмотря на хваленую память, готов был в себе засомневаться. И смотрел на застывшего в гладиаторской позе адапта с неуверенностью – хотя сказанное на дороге процитировал слово в слово. Сам бы такой текст в страшном сне не выдумал.

– И ты считаешь, что пинка по заднице – это я тебя бил? – уточнил Рэд.

Кирилл утвердительно кивнул.

– Охренеть. – Адапт перетек обратно в спальник. – Н-да.

Кирилл, втайне ожидающий понимания и извинений, замер.

– Значит, так, – не глядя на него, решил Рэд. – Как там у вас, в Бункере, принято, мне плевать. Моя задача – тебя довести и вернуть назад. То, что ты считаешь, я тебя бил – по нашим понятиям, пальцем не тронул. – Он приподнялся на локте. – Не я к тебе в Бункер вломился, а тебя мне на шею повесили! Здесь, в походе – свои правила. Сюси-пуси с тобой разводить никто не будет, времени нет. – Рэд помолчал. – Сказать, почему мы сильные?

Кирилл осторожно кивнул, не понимая, при чем тут это.

– Орали много, – спокойно объяснил Рэд, – когда мелкие были. От боли. Когда обгорали.

Кирилл почувствовал, что у него в ужасе расширились глаза.

– Орали – ну, и доорались. Дурные ж были, боль терпеть не умели. Вот, и посрывали связки. У некоторых вовсе голоса не осталось, как у Олеськи. Она потому и молчит всю дорогу, что говорить тяжело... Чего уставился? Скажи еще, не знал?

Ответить Кирилл не смог. Горло перехватило не хуже, чем у безголосой Олеси.

Рэд, до того смотревший недоверчиво, теперь, кажется, поверил. Тепла во взгляде не прибавилось, но и злость ушла.

– «Курите потому что», – горько передразнил он. – Олеська, между прочим, вообще не курит, и даже, если рядом закурить – в сторону отходит. Ей нюх сбивать нельзя... Ударили, блин, его! По жопе двинули. Охренеть – событие! Ладно, спи давай.

Он запахнулся в спальник и отвернулся.

Прошла минута или две, прежде чем Кирилл сумел выдавить:

– Хорошего отдыха.

Ответа, разумеется, не дождался.

Глава 6

Киржач – Пекша (40 км)

Вечером у Кирилла болели не только ноги, но и все тело.

– Ты чего во сне подвывал? – подозрительно спросил Рэд.

Вокруг была еще не ночь – вечерние сумерки. И в этих сумерках Кирилл разглядел, что за ту минуту, пока сам он, разбуженный недовольным окриком, пытался сообразить, на каком свете находится, Рэд успел одеться и скатать спальный мешок.

– Я аж подпрыгивал. Че стонал, ну?

Таиться смысла не было.

– У меня все болит, – признался Кирилл. – Везде.

Рэд нахмурился. Зажег фонарь – Кирилл зажмурился, ослепнув – и дернул за молнию спальника. Тот предательски развалился на две части, и Кирилл оказался перед адаптом в одних трусах.

– Не трогай меня! – Он неловко попытался поймать застежку. – Я встаю, не надо...

– Да не дергайся ты. – Рэд хлопнул его по руке. – Хуже бабы, блин! То «не смотри», то «не трогай»... – Он цапнул переставшего сопротивляться Кирилла за плечо и перевернул на живот. С облегчением констатировал: – Ожогов вроде нет.

– Естественно, нет! – Кирилл, вырвавшись из железных пальцев, схватил брюки. Вчера не догадался сложить одежду, и теперь она оказалась мятой и вывернутой наизнанку. – Во-первых, откуда им взяться, а во-вторых, я ведь объяснил – я не переживу ожогов.

– Да хрен тебя знает, что ты переживешь. Чудной ты. Сам белый, как молоко, а чуть тронь – пятно красное.

Кирилл бросил взгляд на плечо.

– Это сейчас пройдет.

– А болит все почему?

– Не знаю...

– Сталкер, да отцепись ты от него, – донесся снаружи мурлыкающий голос. – Вот же докопался, как пьяный до радио – спой да спой! Привет, мальчики.

Полог палатки откинули, и Кирилл порадовался, что успел натянуть хотя бы брюки.

– Чего тебе? – хмуро бросил Рэд.

– И тебе: добрый вечер. Воды бункерному принесла, умыться... На. – Лара сунула Кириллу в руки плоскую флягу. – А болят у него мышцы – от усталости и от того, что на твердом спал. Вспомни, когда Дмитрич с нами в Бункер ходил, то же самое было.

– Ну и что теперь? – проворчал Рэд. Хотя в голосе послышалось облегчение – видимо, слова Лары его успокоили. – Перину ему тащить?

– Зачем перину, можно подругу позвать! – Лара игриво засмеялась.

Сердитости Рэда она, в отличие от Кирилла, не боялась, и настроение у нее от недовольного бурчания не портилось. Лара лукаво улыбалась, и на щеках играли ямочки.

– Вот дойдем до Пекши, там девчонок много! Может, и склеит себе попугайцу. – Адаптка с нескрываемым интересом разглядывала белое тело Кирилла – а он, как назло, не мог отыскать в комке вещей футболку. – Слышь, бункерный, у тебя девушка есть?

– В каком смысле?

Из футболки, которую Кирилл вертел в руках, почему-то выпали носки – затвердевшие и издающие не самый приятный запах. Сама майка тоже пахла.

Рэд наблюдал за соседом с брезгливым недоумением – как за умственно отсталым, а Лара расхохоталась так, что командир зашипел.

– Тихо ты! По Диким соскучилась? – И решительно вытолкнул визитершу из палатки.
– Ой, не могу! – на тон ниже, но все так же весело заливалась снаружи Лара. – В каком, говорит, смысле... Можно подумать, оно в разных смыслах бывает.

* * *

В этот раз Рэд вел Кирилла всего час, а потом велел отдыхать.

– Так лучше будет, – решил он. – Три раза по часу пройдешь, а не два по полтора.

Кирилл, который втайне рассчитывал, что сегодня как-нибудь обойдется без второй ходьбы, а о третьей вовсе не подозревал, приуныл.

– Не печалься, бункерный, – услышал он над ухом доверительный шепот – Лара приблизилась к борту телеги и шагала рядом. – Я Сталкера уболтала, чтобы в Пекшу заехать. Там на мягком поспишь, оклемаешься маленько. А совсем не ходить тебе нельзя, мышцы забиться должны. Если им сегодня нагрузку не дать, а завтра или послезавтра снова забивать, хуже будет.

Это Кирилл и без подсказок понимал. Но как же тяжело было думать о том, что скоро над ухом снова раздастся неумолимое: «Слезай, пошли»!

– А разве мы не собирались в Пекшу заезжать?

– Собирались, но только мы с Олеськой. Если бы не ты, Сталкер с парнями на дороге бы остался. А теперь тоже с нами пойдет.

– А почему парни – на дороге? – не понял Кирилл. – Для чего вам разделяться?

– Так в Пекше урожай градом побил, – удивилась Лара. – В том году. Ты не знал, что ли? – И замолчала, как будто этим все объяснила.

Кирилл подождал продолжения и, не дождавшись, переспросил:

– Ну и что, что побил? Почему ребятам нужно на дороге оставаться?

– Ну как – «почему», – вздохнула Лара. – Урожай побил – еды мало. А тут мы припрямся – восемь рыл, и всех корми! А им самим не хватает. У них зимой боец под завалами погиб, да недавно еще одного Дикие подранили – без ноги теперь. Тоже, считай, балласт... Сидите в своем Бункере, ни хрена не знаете.

Лара недовольно замолчала, и Кириллу пришлось самому догадываться, что «завалами» адапты, вероятно, называют разрушенные здания, из которых извлекают разные полезные вещи. «С риском для жизни», – подчеркивал Сергей Евгеньевич, рассказывая об этом, но Кирилл никогда не связывал слова наставника с реальной гибелью людей. Почему-то считал, что такого рода опасности – давно в прошлом.

– А у вас... – осторожно спросил он. – Вы ведь тоже ходите... в завалы. У вас... ну, все нормально?

– Нас больше, – просто объяснила Лара. – Нас шестьдесят четыре, а в Пекше всего было тридцать семь. А теперь – тридцать пять.

А она ведь права, с горечью подумал Кирилл. И Рэд прав. Насчет «сидите и ни хрена не знаете».

Всего этого он, сидя в Бункере, не знал. Ни про ожоги адаптов, ни про их сильные голоса. Не знал, каким опасным ремеслом его ровесники еженощно занимаются и сколько сил кладут на то, чтобы попросту выжить.

Самого Кирилла заботливые воспитатели регулярно кормили, поили и укладывали спать, в чистую удобную постель. В распоряжении «малышей» всегда были горячая вода и свежее белье, Кирилл никогда не задумывался, откуда все это берется. А Олег с Дашей, понял вдруг он, до сих пор не задумываются. Было стыдно за себя, и очень хотелось адаптам помочь. Хотя бы какой-нибудь умной мыслью, коль уж от действий его – одни насмешки.

Кирилла осенило.

– А разве нельзя в эту Пекшу со своей едой прийти? – предложил он. – Вы же везете, с собой... Ну, чтобы и не объедать никого, и поспать в человеческих условиях?

Однако на это предложение, самому ему показавшееся простым и логичным, Лара разозлилась не хуже Рэда. У девушки даже голос изменился: игривость из него пропала, зато прорезались присущие командиру жесткие интонации.

– Совсем ты, по ходу, придурок, – процедила Лара. – Да где это видано, чтобы гости свою еду жрали? Это, может, у вас в Бункере так, или у Диких, – адаптка, не задумываясь, поставила их на одну доску, – а тетя Аня – нормальная женщина. Да она с ума сойдет, если гостей не накормит! Это ж – позор на всю Цепь. Я бы сквозь землю провалилась, и кто угодно тоже... Короче, пошел ты в баню, надоел. – С этими словами Лара отпустила борт телеги и скрылась в темноте.

Кирилл еще размышлял об установившихся здесь странных законах, согласно которым не накормить гостей – позор, а оставить два десятка малышей в руках религиозного маньяка – нормальное дело, когда над ухом раздалось то, чего так не хотелось слышать:

– Слезай, пошли.

Выбора не было. Кирилл тяжело вздохнул.

– Ты чего такое Ларке брякнул, что как ошпаренная дунула?

Кирилл, как мог, пересказал. Рэдрик хмыкнул.

– Реально, чудной вы народ.

Спорить о том, кто из них чуднее, Кирилл, после вчерашнего, не стал. Во-первых, по всему получалось, что они говорят и думают на языках настолько разных, что Рэд его попросту не поймет, а во-вторых, послушно «берег дышалку».

– Слышь, я тебя предупредить хотел.

Кирилл уже запомнил, что слово «слышь» используется адаптами в качестве обращения. В том, что со слухом у собеседника все в порядке, никто из них не сомневался.

– Скажи Ларке, что у тебя в Бункере девушка есть. Что, там, любовь до гроба, ты ей обещаешь верность хранить, и все такое... Поверит, девчонки на соплях легко ведутся. И отвянет, она гордая. Меня-то ваш Евгенийич предупредил, что вы между собой не чпокаетесь, – продолжил Рэд. – Я ни хрена не догнал, почему, ну да ладно, дело хозяйское. А наши-то не знают! И Ларка не уймется, пока в штаны к тебе не залезет, точняк. Она на тебя крепко клюнула. А Евгенийич сказал, что у тебя от этого самого моральная травма будет. И хрен ли, вот, делать? – сам с собой рассудил он. – Не пристегивать же, в натуре, к себе. Да и пристегнуть – че толку? Владимир впереди, я хоть оторваться думал, напоследок... Короче, спросит – чеши, как я сказал. О'кей?

Кирилл обалдело молчал. настолько впечатлился объемом произнесенной речи, что суть малознакомых слов не уловил.

– Чего застыл? – дернул за рукав Рэд. – О'кей, спрашиваю?

– Да, – выдал Кирилл. – То есть, о'кей. Только... Объясни, пожалуйста, еще раз. Я ничего не понял.

Час прошел незаметно. Для Кирилла он оказался полным открытий, для Рэда – ругательного шипения.

Смысл обретенных знаний сводился к тому, что сексуальные отношения между полами, от которых обитатели Бункера в свое время добровольно отказались, ибо к деторождению они – после того, как все случилось – не вели, среди адаптов вполне имели место.

– Очень странно, – после глубокой задумчивости, решил Кирилл.

– Да что, блин, еще тебе странно?

У Рэда ушло немало времени на разъяснение неизвестных спутнику терминов. А терпением, чтобы подбирать понятные слова, адапт не отличался. Кажется, сильно жалел, что вообще завел этот разговор. Чтобы не злить его еще больше, Кирилл, как советовал Вадим

Александрович, постарался формулировать мысли предельно просто, задавая в конце каждой фразы уточняющие вопросы.

– Ведь вы – так же, как и мы, и как любой человек на планете – детей иметь не в состоянии. Верно?

– Ну.

– Тем не менее, вы, при наличии подходящего партнера, в сексуальные отношения вступаете. Верно?

– Ну!

– Так... Объясни, пожалуйста – зачем?

Рэд озадаченно молчал. Кирилл уточнил:

– Для чего это нужно, если в итоге ни к чему не ведет?

Рэд молчал.

Кирилл, решив, что его не поняли, размышлял, как бы спросить еще доходчивее. Но адапт, оказывается, не отвечал по другой причине.

– Ты кока-колу пробовал?

– Нет, – удивился Кирилл.

Память мгновенно подсказала, что до того, как все случилось, существовал такой прохладительный напиток – вредный для желудка, но приятный на вкус.

– Вот. А я пробовал. Но как я тебе объясню, на что это похоже, если ты не пробовал? И как я тебе объясню, что значит хотеть девочку – если ты ни разу не хотел?

Теперь озадаченно замолчал Кирилл. Похоже было, что беседа свелась к неразрешимому философскому вопросу «как объяснить слепому цвет заката». Причем слепым в данном случае выступал он. А ведь, готовясь к миссии, думал, что все будет совершенно иначе! Представлял себя кем-то вроде Сергея Евгеньевича – мудрым хранителем знаний, который понесет свет в темные адаптские массы. Пока же все выходило ровно наоборот – спутники в его знаниях не нуждались. А он без их разъяснений – хотя бы тех косноязычных и убогих, что могли дать Лара или Рэд – чувствовал себя заблудившимся ребенком.

– Час прошел, – объявил Рэд. И зачирикал.

Уже забравшись в телегу, Кирилл сообразил, что так и не выяснил, что же нужно отвечать Ларе на вопрос о девушке. Но было поздно – Рэд ушел в голову колонны.

* * *

Анна Владимировна – глава следующего на пути поселка – оказалась крупной, средних лет женщиной с добрым лицом и уютным голосом. И свою молодежь, и гостей, включая брутального Рэда, и даже лошадей с коровами она называла «детка».

Обстановка в Пекше была под стать хозяйке – вроде бы неторопливая, но без лени, без «раздолбайства» – это слово Кирилл подслушал у адаптов. Никто не суеился и никуда не спешил, однако все вокруг происходило без задержек и будто само по себе.

На столе сама появилась еда – поджаренная картошка, свежая зелень и странное блюдо, которое называлось «холодец». Когда все было съедено, тарелки сами собой исчезли, и появился чай – с пирогами и вареньем в прозрачных вазочках.

Все это было потрясая вкусно, Кирилл никогда раньше не пробовал таких пирогов, и варенья такого не пробовал! А Анна Владимировна подкладывала и с удовольствием наблюдала, как гости едят. Поэтому, когда Кирилла толкнули под столом ногой, и он наткнулся на сердитый взгляд Лары, не сразу понял, в чем дело. Потом вспомнил невеселый рассказ и покраснел. С сожалением посмотрел на надкушенный пирог в руке и заметил, что никто из отряда уже, кажется, давно не ест.

– Ты чего, детка? – тут же заметила изменившееся лицо Анна Владимировна. – Невкусно?

– Очень вкусно. Спасибо. Только я, по-моему, объелся.

– Ну, так и объедайся на здоровье! От этого еще никто не умер. А уж такому, как ты, тощему – вовсе на пользу будет.

– Если не лопнет, – проворчала Лара.

– Ничего, не лопнет! Ты кушай, кушай, – успокоила Анна Владимировна, – не слушай болтушку эту. А ты, Ларка, не оговаривай человека. Сама не хочешь, так другим не мешай.

– У него, тетя Ань, мышцы болят, – наябедничала Лара. – Я говорю, давай массаж сделаю – а он не дается! Боится, небось, что приставать начну.

Местные ребята и девушки, сидящие с противоположной стороны стола, зафыркали. Тетя Аня нахмурила брови.

– С тебя, хулиганки, станется. Распустила вас Иннушка, а надо было бы крапивой драть – как вот я своих.

На противоположной стороне расхохотались.

– Нас-то тетя Аня в ежовых рукавицах держит, – с преувеличенной серьезностью протянул кто-то. – Аж вздохнуть лишний раз боимся. Как начнет крапивой махать – коровы и те со страху кирпичами гадят!

Тут уж все кругом засмеялись, и Кирилл, представивший себе тетю Аню с крапивой, смеялся вместе со всеми.

И совершенно не верилось, что среди этих людей есть калеки – парень без ноги и мужчина с обожженным лицом, одних примерно лет с Анной Владимировной. Не верилось, что у них недавно погиб товарищ, и град побил урожай – а это, если верить Ларе, было для жителей поселков настоящей катастрофой. И показались странными слова Лары о том, что жители Пекши едва ли не голодают – такого чудесного угощения Кирилл никогда не пробовал.

Танцев после ужина здесь не устраивали – тетя Аня напомнила, что завтра надо рано вставать, поэтому как-нибудь в другой раз, и никто с ней не спорил.

– А ты, детка, пойдем со мной, – позвала она Кирилла.

Осматривала его в небольшой, очень чистой комнатке, которую гордо назвала медкабинетом.

– Все с тобой в порядке. Просто мышц вовсе нет, оттого что всю жизнь под землей просидел. А этот поганец, – имелся в виду, очевидно, Рэд, – тебя наравне со своими идти заставляет! Конечно, будет болеть, тут уж тебе потерпеть придется. А так – все неплохо. Даже худоба твоя – не дистрофическая, а природная. Пока за столом в монитор глядел, тебе и в этом весе было комфортно. А сейчас – будешь больше работать физически, больше двигаться – быстро мясом обрастешь... Если, конечно, кормить как следует.

В этих словах тети Ани просквозила грусть, и Кирилл решил перевести разговор на другое.

– Вы – врач?

Анна Владимировна рассмеялась.

– Нет, детка. Я бухгалтер. Была когда-то. А сейчас – на все руки от скуки. И врач, и ткач; и астроном, и агроном. Все мы такие, иначе ведь не выжить. А до того, как все случилось...

Но она не договорила.

С улицы донесся отчаянный крик:

– Дикие! На помощь!!!

– Скоты! – ахнула тетя Аня. – Опять! Сиди тут, – бросила она Кириллу.

И с удивительной для своей комплекции резвостью ринулась в коридор.

Кирилл рванул было вдогонку, но вспомнил, что раздет. Торопливо натянул майку и штаны, выскочил за дверь – однако в коридоре уже никого не было. С улицы доносились вопли, во дворе явно происходило нехорошее.

Он пометался от окна к окну, но, разумеется, ничего сквозь ставни не увидел. Раздался вдруг долгий, наполненный болью крик – кричала женщина или девушка.

Кирилл опрометью выскочил на крыльцо, не очень пока понимая, что собирается делать, однако ни сделать что-либо, ни даже понять, что происходит, не успел. Его сбил с ног толчок в грудь, а плечо обожгло резкой болью.

Едва успев это осознать, Кирилл почувствовал рывок за шиворот. А в следующий момент от приданного пинком ускорения полетел в неведомую даль. Ударился раненым плечом о стену, от чего взвыл уже в полный голос, и услышал стук закрываемой двери.

И увидел, что лежит на полу – в том самом коридоре, из которого минуту назад так решительно выскочил. Болели ушибленные копчик и затылок, а сильнее всего – плечо.

Кирилл, кривясь от боли, уселся и скосил глаза. Приподнял рукав футболки – руку рассекал кровоточащий порез. Он с содроганием отвернулся: никогда раньше не видел столько крови.

Так... Нужно собраться.

Шевелить конечностью больно, но можно – следовательно, кость не задета. Нож – или что это было – прошел неглубоко. Получается, опасностей две: само кровотечение, которое следует как можно быстрее остановить, и потенциальное заражение крови, которого можно избежать, если правильно обработать рану.

В рюкзаке были и бинты, и мазь. И накладывать повязки Григорий Алексеевич учил... Но куда подевался рюкзак? В которую из комнат их с Рэдом поселили?

Кирилл, поднявшись на ноги, озирался по сторонам, когда вдруг снова распахнулась дверь.

В проеме появилась Лара. Входила она странно, согнувшись в три погибели и спиной вперед. Кирилл не сразу разглядел, что тащит за собой человека.

Поняв, охнул и бросился на помощь. Вдвоем они перевалили тяжелое тело через порог – это оказался незнакомый парень, должно быть, местный. За телом тянулся кровавый след.

– Уйди ты! – цыкнула на Кирилла Лара. – Я сама! Ты, блин, уже выступил. – Она осторожно задрала на парне рубашку.

Тот был ранен в живот, и не нужно было быть специалистом, чтобы понять – ранен тяжело.

– Твою мать, – напряженно проговорила Лара.

Адапты повторяли это словосочетание при Кирилле не раз, и тот запомнил, что ни к чьей матери оно отношения не имеет, просто эмоциональное высказывание.

– Давай его в медкабинет отнесем. Не держать же в коридоре, – говорил Кирилл сдавленно: от вида кровоточащей раны подташнивало.

Лара посмотрела на помощника с сомнением.

– Одна я не допру, тут осторожно надо. А ты, небось, и котенка не поднимешь.

– Я постараюсь.

– Ну, о'кей... Я за плечи, ты под колени – аккуратно только! Взяли?

Кириллу было очень тяжело. И плечо болело и кровоточило нещадно. Но он знал, что скорее умрет, чем скажет об этом Ларе. Они втащили раненого на ту самую кушетку, где пять минут назад добрейшая Анна Владимировна осматривала самого Кирилла.

Лара быстро мыла руки в раковине в углу.

– Сейчас, сперва его обработаю, потом тебя. Рукав задери, а то присохнет.

– У меня – ничего опасного.

– Вижу... Придурок, блин. Возись с тобой теперь. – Это было сказано тем же тоном, что и все предыдущее – просто констатация факта, без злости или раздражения.

– Почему – придурок? – обиделся Кирилл.

– А хрен ли ты на улицу полез? Все равно ж слепой, как крот, не видишь ни фиги! Хорошо, Сталкер тебя из-под звездочки выпихнул. А если б не успел?... Рукав задери, кому сказала.

Лара говорила, а руки жили, словно сами по себе, деловито занимаясь пострадавшим. Смачивали тампоны в антисептике и обрабатывали края раны.

Кирилл с содроганием отвернулся.

– Хоть бы не печень, – услышал за спиной он. – Ну, пожалуйста, хоть бы не печень... Сигарету хочешь?

Кирилл не сразу понял, что это ему.

– Что ты сказала?

– Я говорю, покури иди. А то ты, похоже, блевать собрался.

– Я не курю. И я... – Кирилл глубоко вдохнул, борясь с тошнотой. – я хорошо себя чувствую.

– Угу, – фыркнула Лара. – Вали в коридор! Позову, как закончу.

Пожалуй, она была права.

Кирилл встал, удивившись, что дверь качнулась навстречу. Наклонился вперед, пытаясь поймать ручку – но та отчего-то ускользала.

– Что-то... кажется, не то, – произнес он.

И рухнул на пороге, потеряв сознание.

Глава 7

Пекша

Когда Кирилл очнулся – с уже забинтованной рукой – узнал, что бой закончился быстро. Дикие пытались украсть продукты, привезенные в поселок адаптами. Они атаковали Пекшу и раньше, но так нахально и отчаянно – в первый раз.

– Видать, совсем жрать стало нечего, – прокомментировал этот факт кто-то из местных. Остальные молчаливо согласились.

Пекшинцев спас часовой – тот раненый, которого бинтовала Лара. Он был парень опытный, опасность чуял и на сторожевой башне ему сегодня спокойно не сиделось: то и дело вскакивал, прислушиваясь к темноте. Поэтому, вместо сердца, арбалетная стрела воткнулась парню в живот. Он успел закричать и предупредить своих, успел сползти по лестнице вниз, и лишь после этого упал.

А еще Дикие явно не рассчитывали на то, что в поселке окажутся Рэд и Кирилл – ведь обычно там останавливались только девочки. Нападающие никак не ожидали встретить Сталкера, которого хорошо знали и боялись до нервных колик. Ну, и Кирилл своим появлением на крыльце добавил переполоха.

Увидев сначала грозного Рэда, а потом еще кого-то, неопознанного в темноте, Дикие бросились наутек. Пытались унести самое ценное – лекарства, но обороняющиеся не дали. Все, что привез отряд, было отбито.

Про раненого часового Анна Владимировна сказала, что печень не задета, и парень должен выкарабкаться. Еще ранили женщину, которая кричала – но не опасно, в бедро.

Кирилл воодушевленный рассказ о схватке почти не слушал. Перестал слушать в тот момент, когда понял – сюркен Диких должен был прилететь ему в горло. Его собирались убить, и, если б не молниеносная реакция Рэда, непременно бы это сделали.

Незнакомые люди, которым он ровным счетом ничем не навредил, впервые увидев – пытались убить! Его... Такого хорошего и талантливого.

Невозможная эта мысль металась в голове и никак не могла осесть. Пытались убить... Ни за что, ни про что... Как же так? Почему?!

Разумеется, вести о столкновениях жителей поселков с Дикими до «малышей» время от времени доносились. Но, во-первых, Любовь Леонидовна считала подобные рассказы неподходящими для детских ушей, и воспитанников старалась от них оберегать. А во-вторых, в безопасности Бункера, все это представлялось Кириллу чем-то вроде компьютерной игры. Какие-то персонажи, где-то далеко, бегали, нападая друг на друга – да и на здоровье, может, им делать больше нечего. Никогда не связывал он обрывки взрослых разговоров с чьей-то смертью и увечьями. А сейчас, в его присутствии, милейшая тетя Аня с удовлетворением подсчитала, что из десяти нападавших погибло трое. И всех их убили Рэд, Лара и угрюмая молчунья Олеся – за что жители поселка были гостям искренне благодарны.

Резкий незнакомый запах, понял вдруг Кирилл, который ощутил, когда Лара втащила на порог раненого, был запахом пороха. У адаптки ведь даже пистолетная кобура была расстегнута – сейчас он это вспомнил, а в тот момент списал на Ларину рассеянность. Господи, каким же был слепым.

Конечно, Кирилл, как любой нормальный мальчишка, не мог не обратить внимание на оружие адаптов. С самой первой ночи исподтишка рассматривал арсенал: пистолеты у Рэда, Джека, Люка и Лары, лук со стрелами – у Гарри, винтовку – у Олеси, и самодельный арбалет – у купавненского грубияна Сашки. Кроме того, на правой ноге под брючиной (левша Гарри – на левой) адапты носили метательные стилеты в специальных ножнах. Но Кирилл, по наив-

ности, вначале воспринял всю эту амуницию не более чем деталями костюма. Как, к примеру, алебарды у ватиканских гвардейцев. Папские охранники тоже носили красивые и грозные алебарды – но это ведь совсем не означало, что умели рубить головы! Кирилл поначалу даже обиделся – его, едва ли не насильно, заставили обрядиться в адаптскую одежду, грубую и неудобную, а вот оружия не выдали. На вопрос, почему, Рэд отозвался странной фразой про козу и баян и презрительно сплюнул. Из чего Кирилл сделал вывод, что вряд ли при жизни командира получит в руки оружие. Хотя не раз представлял себе, как здорово подошел бы к новому костюму пистолет на поясе, или хотя бы нож! Ощутимо добавил бы мужественности.

То, что произошло сегодня, в голове пока не укладывалось. Как же прав был Сергей Евгеньевич... «Ты встретишь там совсем другую жизнь».

* * *

Трупы Диких тщательно обыскали, забрав все ценное, и бросили до завтра – вокруг уже светало. Трупы были, как выразилась Анна Владимировна, «тощими», и обыскивающие сошлись на том, что нападавшая стая – из слабеньких, у которых огнестрельного оружия нет. А может, его у здешних Диких уже и вовсе нет, авторитетно добавил Рэд. Лично он «крайний раз» – слова «последний» адапты настойчиво избегали – слышал здесь выстрелы больше года назад.

– Патроны, небось, кончились. А может, одичали в хлам, и уже даже стрелять поразучились.

Самого Рэда сюрекен, от которого спас Кирилл, чиркнул по спине. Но адапт «царапину» даже бинтовать не позволил, сказав, что так быстрее заживет.

Он разобрал, почистил и снова собрал пистолет – Кирилл исподтишка следил за выверенными, отточенными движениями – и лег на койку плашмя, чтобы не тревожить раненую спину. В сторону Кирилл подчеркнуто не смотрел.

А у того все никак в голове не укладывалось, что час назад этот парень ничтоже сумняшеся оборвал жизни нескольких людей. И никаких угрызений совести от этого, судя по всему, не испытывал.

Заговорить с Рэдом об убитых – так же, как о собственных ощущениях – Кирилл не решался. Чувствовал, что разговора не получится: адапт его переживаний попросту не поймет. Одному богу ведомо, скольких он уже убил. И скольких еще убьет.

Если бы не вспоровший плечо сюрекен, возможно, Кириллу одного этого озарения хватило бы для того, чтобы не уснуть до вечера. Но плечо болело. А еще он уже не раз ловил себя на том, что пытается прикрыть ладонью горло...

Кирилл не понимал, как нужно относиться к произошедшему. Мысли путались, и очень хотелось спать. Но настойчиво зудело где-то на краю сознания при каждом взгляде на мрачного Рэда: «А ведь он меня спас. Если бы не он, то...» Додумывать до конца не хватало решимости.

– Ты не замерзнешь так? – попытался, наконец, заговорить Кирилл. – Может, одеялом тебя накрыть?

Рэд не ответил и даже головы не повернул, хотя еще не спал – лежал с полужакрытыми глазами, опершись подбородком о сжатые кулаки. Он вообще Кириллу за все утро слова не сказал.

Кирилл набрался смелости.

– Прости меня, пожалуйста. Из-за моей глупости мы оба сегодня пострадали. А ты... Ты ведь, получается, жизнь мне спас. Спасибо тебе.

Рэд снова промолчал. Только посмотрел долгим светло-желтым взглядом – вроде бы не обвиняющим, не укоряющим, но Кириллу под этим взглядом стало совсем нехорошо.

– Извини, – окончательно смешавшись, повторил он.

Рэд молчал, а сам Кирилл снова подать голос не решался.

– Я раз тоже выскочил, – донеслось наконец с соседней кровати. – Давно уже, мелкий был. Герман велел в укрытии сидеть, ждать – мы в завалы пошли. Я ждал-ждал – часа, может, три, а то и больше. Потом надоело, да и зассал. Думаю, вдруг его завалило, выбраться не может? Зовет на помощь, а я сижу – не слышу? Ну, и пошел искать.

– И что? – торопливо поддержал беседу Кирилл. К чему рассказывается история, он пока не понял, но обнадеживало то, что Рэд вообще заговорил.

– Ну, что... Нашел. Завалило. Я ему выбраться помог, а он меня потом выдрал. Потому что русским языком велел сидеть и ждать, а я не послушался.

– Но ведь если бы не ты, он бы погиб?

– Почему? Его Инна с ребятами, на другую ночь, искать пошла бы. И его бы нашли, и меня.

– Но ведь это – целые сутки! Ты, получается, время сэкономил.

– Мне, получается, повезло, что самого не завалило, – сердито объяснил Рэд. – Тупо – повезло! Я ж – не Герман, лазить тогда не умел. В завале бы не выжил. И я это прекрасно знал, сто раз предупреждали! Но терпению не хватило высидеть. За то и выдрали.

– Что значит – выдрали? – Кирилл, в принципе, догадывался, но...

Рэдрик хмыкнул.

– Кабы ты не сомлел, как барышня кисейная – узнал бы, что это значит, не сомневайся. Хоть у вас в Бункере и не принято.

Кирилл не сразу понял. А поняв, обескураженно пробормотал:

– Я... Ты... Ты меня побить хотел?

– Угу. Аж руки чесались. И сейчас чешутся.

Кирилл невольно покосился на могучие кулаки, сложенные под подбородком. Вспомнил, как Любовь Леонидовна, рассердившись на питомцев, рассказывала, что до того, как все случилось, некоторые родители применяли к детям телесные наказания. И что Герман, воспитывая адаптов, этой мерой тоже не брезгует.

Он представил, какая это, должно быть, унижительная процедура. Тебя бьют – а ты не имеешь права ни защищаться, ни сопротивляться. Как раб в Древнем Египте. Или при крепостном праве... Даже зажмурился на секунду. А потом решительно сказал:

– Ну, бей.

Рэд заинтересованно приподнялся на локте. Недоверчиво оскалил зубы:

– Че, прямо щас?

– Сейчас тебе лежать надо, ты ведь ранен... Но можно и сейчас, – торопливо добавил Кирилл, увидев в глазах адапта мгновенную усмешку и поняв, что его слова приняты за трусость.

Рэдрик медленно сел. Не поморщился, хотя Кирилл заметил, что порез на спине, из-за движения, открылся и снова набухает кровью. Долго изучающе смотрел – но теперь, приняв решение, Кирилл уже не смущался и взгляд не отводил. Наконец, уточнил:

– Ты это – серьезно?

Кирилл удивился – казалось бы, куда серьезнее. Все-таки чувство юмора у него и у адаптов сильно различалось.

– Конечно. Ты ведь пострадал из-за меня. И ты спас мне жизнь. Если ты считаешь, что так будет справедливо, я согласен.

В глазах у Рэда мелькнуло... ну, отдаленно, конечно... но все же это впервые было что-то, похожее на уважение. Спросил он, однако, тем же пренебрежительным тоном:

– Ты же боли боишься? Сам сказал, что ни разу пальцем не трогали?

– До тебя – никто и никогда.

Однако, увидев возмущение в глазах Рэда, Кирилл вспомнил, что хватания за плечо, рывки и пинки адаптированы совершенно искренне «троганием» не считает.

Он вдруг почувствовал, что устал. Объяснять и спорить не осталось ни сил, ни желания.

– Послушай. Мы с тобой оба... неважно себя чувствуем. Если ты собрался меня бить – бей. И закончим с этим.

Рэд снова надолго замолчал, приглядываясь к Кириллу.

А тот понял, что так вымотался – и физически, и морально, таким сильным было напряжение сегодняшней ночи, что никакие разглядывания его уже не трогают. Что спокойно может, не стесняясь, раздеться и лечь в постель. И, оказывается, ничего не жаждет так, как этого простого действия.

– Я ложусь, – объявил Кирилл. – Уже почти светло.

Рэд молчал.

Кирилл задул фонарь и, отвернувшись к своей койке, разделся. Когда повернулся назад, Рэд лежал в прежней позе – на животе.

– Хорошего отдыха, – машинально, давно перестав рассчитывать на ответ, пробормотал Кирилл.

И неожиданно услышал:

– Тебе тоже... великомученик.

* * *

Проснувшись вечером, Кирилл понял, что все, что у него болело до сих пор, не болело вовсе. Раненное плечо жгло, и что-то в нем пульсировало мерзкими толчками. Ноги гудели. А еще раскалывалась голова, и страшно хотелось пить.

– Хорош дрыхнуть! – будто сквозь вату долетел голос Рэда.

Кирилл с трудом разлепил веки. Командир был уже одет.

– Шевелись давай!

– Даю, – покорно согласился Кирилл.

То есть, попытался согласиться. Горло вместо слов издало невнятный, еле квакнувший звук. Кирилл попробовал подняться – и, не сдержавшись, застонал.

– Ты чего?

Рэд обернулся к нему. Сдвинул брови. Бросил одеяло, которое складывал, и положил руку Кириллу на лоб – так быстро, что тот не успел отвернуться.

А ладонь у Рэда оказалась неожиданно приятной. Широкая и прохладная, она закрыла всю Кириллову многострадальную голову, и веки сами собой опустились.

– Я встаю, – пообещал Кирилл. – Еще одну минуточку, ладно?

– Твою мать, – прорычал Рэд – услышавший вместо слов неразборчивое бормотание.

Отнял ладонь и быстро вышел в коридор.

– ...Даже думать не смей! Куда ты его потащишь? Такая температура у мальчика шпарит!

– Положу в телегу и потащу. Ни хрена ему не будет. Какая разница, где валяться?

– Рэд! Прекрати! Угробишь парня.

– А здесь оставлю – все угробимся. Знаешь ведь прекрасно – у нас каждая ночь на счету!

– Недельку отлежится, потом дальше поедете. Ничего страшного, нагонишь по дороге.

– Две ночи, не больше! Потом уже смысла не будет идти.

– Рэд! Хотя бы три!

– Нет.

– Рэдрик!

– Теть Ань. Две ночи.

– Нет, три! И не сверли меня глазищами, не на ту напал! Три ночи, а раньше я тебе, извергу, парня не отдам! И все тут. Ну, по рукам?

– Развели, блин, богадельню...

– Не ворчи. По рукам?

– А куда мне деваться?

– Ну, вот и славно, вот и умница моя. Пойдем, позавтракаешь, молочка налью парного. Девочки твои поели, сейчас я Олеську или Лару за пацанами отправлю. Не торчать же им на дороге... Идем, детка.

Диалог происходил прямо у Кирилла над головой, но он ничего не слышал.

Ему вкололи антибиотик, накормили жаропонижающим и обезболивающим. На лоб положили влажную салфетку. Впервые за эти ночи Кириллу было хорошо. Сознание гуляло далеко – в родном, уютном и таком понятном Бункере.

– Отчего его скрутило-то так? Ларка смотрела – говорит, порез чистый, воспаления нет.

– Да тут все вместе, я думаю. И рана, и стресс, и акклиматизация... Ох, надо было мне, старой дуре, сообразить – сразу ему анальгетик вколоть! Я-то к вам, твердошкурый, привыкла, что все нипочем. А он другой. Им Люба, по детству, занозы вынимала – и то с ледокаином.

– А сколько их, тетя Ань? И откуда они вообще в Бункере нарисовались? Герман говорил, что этот – не один, но без подробностей.

– Трое их. Еще один мальчик и девочка. Рядом с Институтом частный детский сад был, до того, как все случилось. Для одаренных детей богатых родителей. Группа раннего развития «Солнышко»... Они мимо Института каждый день на прогулку ходили. Сергей рассказывал, забавно так ходили – за канат разноцветный держались, чтобы не растеряться. Малыши совсем, по два-три годика. У Сергея окна лаборатории на ту сторону выходят, они с коллегами детишкам всегда рукой махали. И когда все случилось, он про этих ребят вспомнил. Побежал спасать... Только трех и спас, выживших. Остальные погибли.

– То есть... Получается, они в Бункере живут столько же, сколько мы у Германа?

– Выходит, так.

– А на фиг их от нас прятали? Почему мы не видали ни одного?

– Да их не то чтобы прятали... Просто пока маленькие были – с ними занималась Люба. Сергею и остальным недосуг, ведь столько всего из руин поднимали. А Люба – в Институте-то, до того, как все случилось – никто была, и звать никак. Старшая помощница младшей лаборантки... В научной работе толку – чуть, вот и приставили к детишкам. И к тому времени, когда Сергей с Германом встретились, уже само собой оказалось, что главная по деткам – она.

– Угу. А она Германа терпеть не может, вот и запретила своим одаренным к нам приближаться.

– Ну, не придумывай...

– Да брось, тетя Ань. Мы ж не тупые, соображаем маленько. Эта дура Германа до трясушки боится. И нас заодно.

– Неправда.

– Правда! Сама ведь знаешь, что правда. Вот ты с нами – нормально, а эта – все время так смотрит, как будто мы заразные. Она своим одаренным – знаешь, что наплела? Что у нас такие голоса оттого, что курим много!

– Ох, детка. Ну, как тебе объяснить? Ты пойми – ведь до того, как все случилось, у Любы не было детей. И вдруг – сразу трое! Конечно, она с этих крошек пылинки сдувала. А Сергей благодарен ей был. За то, что хотя бы этот груз – заботу о малышах – с него сняла. Ну и, конечно, потакал во всем. Считал, что раз Люба детьми с таким рвением занимается, то лучше всех знает, что им нужно. А она и рада стараться! Боже упаси было – при детках закурить или слово бранное ляпнуть. А потом еще и эту... борьбу с инстинктами затеяли – не удивлюсь, если тоже с Любиной подачи.

– Вот тут я вообще не догнал! Это-то на фиг было надо?

– Говорят, совместно решили, что коль уж продолжения рода все равно не получается, а пустой разврат плодить интеллигентным людям не к лицу – давайте-ка эту тему вовсе закроем. Тем более, народу в Бункере не так много, чтобы из всех могли пары сложиться. Вот и убили одним махом ревность и страдания. Решили, что в наступивших обстоятельствах расходовать силы на плотские радости – безнравственно. Проголосовали, говорят, единодушно. Наделали пилюлей, подобрали дозировки и пьют. Говорят, что никаких неудобств.

– И этот... одаренный пьет?

– Наверное. Он ведь взрослый уже, как бы не старше тебя.

– Да ладно!

– А что? Это он выглядит дитем. А годами-то, может, и постарше.

– Выглядит он чмом ходячим.

– Рэд! Он не виноват, что из него оранжерейную фиалку сделали. Вас было – сотня душ, и воспитывали вас молодые отважные ребята. У которых физически ни сил, ни времени не хватало на то, чтобы с вами сюсюкаться. А тех малышей отдали одинокой женщине – не первой молодости, с кучей комплексов. Вот и выросло из этих ребят – то, что выросло. И, знаешь... Ты, конечно, можешь на парнишку злиться. Но напрасно. Он хороший мальчик. Добрый, умный...

– Вот, и Дмитрич так же говорил. Может, конечно, и умный. А только как спросит чего – хоть стой, хоть падай. Я сперва думал – издевается... Так нет! В натуре ни хрена не знает. Барахло свое постирать не может, чай ему нальешь – расплескает половину. Пинка дашь – он в истерику: «Ты меня ударил»! Шуток вовсе не понимает. Чем он умный-то, спрашивается? Жопу вытирать научился? Остальные двое и этого не могут, что ли?

– Рэд!

– Ну, че – «Рэд»? Семнадцать лет уже – Рэд... И теперь, вот – валяется тут, время из-за него теряем.

– Детка, не кипятись. Он старается. Он очень хочет не быть вам в тягость. Подумай сам – ведь он не для того вчера выскочил, чтобы тебе досадить. Он понял, что идет бой, и побежал на помощь.

– Ты смеешься, что ли? Чем бы нам этот недоделанный помог?

– Это ты знаешь, что ничем! Потому что сотню таких драк пережил. А он и не знает, и не умеет, однако на помощь броситься не побоялся... Детка, я тебя прошу – не злись на него. Не отмалчивайся. Он действительно очень талантливый мальчик, он любую информацию впитывает мгновенно. Просто вам нужно набраться терпения. Не смеяться над ним, не раздражаться и побольше объяснять.

– Хреновые из нас объясняльщики.

– А вы старайтесь! Думаешь, Герману легко с вами было? Вы ведь тоже, поди, не родились – такими, как сейчас.

– Так мы мелюзга были совсем!

– Ну, вот и ты про него считай, что мелюзга. Не потому, что глупый, а просто не было времени научиться.

– Да кто говорит, что глупый? Косорукий – звезда. А так, иногда смелый даже.

– Ну, вот видишь! Не злись, пожалуйста. Он скоро поправится.

И Кирилл действительно быстро поправился.

Должно быть, ему просто нужно было отдохнуть и выспаться. На третью ночь даже сердобольная тетя Аня вынуждена была признать, что «ценный груз» транспортабелен. И обоз, распрощавшись с хозяевами, покинул Пекшу.

Глава 8

Пекша – Владимир (49 км)

На выезде из Пекши Лара сунула под голову Кирилла небольшую подушку.

– Держи, ранетый. Подарок тебе, от тети Ани.

– Спасибо!

Кирилл с благодарностью зарылся в «подарок» лицом. Подушка пахла Анной Владимировной – ее добротой и лаской. Однако еще больший сюрприз ждал впереди. После того как «ценный груз» размотался, Рэд уронил что-то ему на колени.

– Лови.

– Что это? ПНВ?! – Кирилл, не веря своему счастью, ощупал подарок.

– Ну. Говорил же Дмитрич, у пекшинцев есть... Надевай, чего тянешь?

Кирилл благоговейно включил прибор.

И случилось чудо – мир проступил из черноты. Засветились зеленым контуры лошадей, телеги, фигура идущего рядом Рэда. Прозревший Кирилл видел и саму дорогу, и ямы на ней, и то, что осталось от отбойника – бетонного ограждения, когда-то защищавшего автомобили. Сейчас ограждение местами повыщербилось, местами обвалилось, и с обеих сторон плотно обступали высокие незнакомые растения.

– Ну как? Видишь хоть че?

– Да, отлично вижу! Спасибо.

– Мне-то за что? На тетю Аню молись. Я заплатить хотел – не взяла.

– Анна Владимировна – прекрасная женщина, – с чувством произнес Кирилл. – Столько для меня сделала! Я буду очень беречь ее подарки.

Рэдрик фыркнул.

– Ты себя береги, чучело! Для начала ходить научись.

– Да-да, я слезаю...

– Да хрен с тобой, не надо, – неожиданно расщедрился Рэд. – Откисай, а то опять копыта свесишь.

– Не свешу, у меня есть силы! Тем более, я теперь снова вижу, тебе даже вести меня не придется.

Рэд в ответ хмыкнул – мол, дело твое – и сдернул Кирилла с телеги.

– Видишь, куда наши идут?

– Да.

– Звезда! Шагай за ними, потихоньку... Да под ноги смотри! – Он поймал споткнувшегося Кирилла за рукав.

Первую сотню метров придерживал. Потом отпустил – Кирилл приноровился к ямам на дороге и больше не спотыкался.

Теперь, вновь обретя зрение, он шагал не в пример уверенней. Через какое-то время даже позволил себе поглядывать по сторонам – на высоченные растения, край листьев у которых вырезан зигзагом, и другие – с толстым стволом и огромными листьями, каждым можно было бы укрыть человека с головы до ног. Кирилл впервые видел все это. Любовь Леонидовна водила питомцев «на экскурсию» на опытные делянки – но ничего подобного ни на тех участках, ни вокруг не росло.

– Послушай! – Кирилл остановился, осененный догадкой. – Это что – лопухи такие огромные? А вон то – крапива?

– Не ори, – одернул Рэд. – Лопухи как лопухи, бывают и здоровше. И крапива – как крапива... Пошли, чего застыл?

– Надо же...

Елена Викторовна рассказывала, что с изменением климата видоизменились и многие растения. Особенно людей одолевали сорняки.

Например, крапива – Елена Викторовна показывала ученикам фотографии и уверяла, что до того, как все случилось, она редко вырастала выше человеческого роста. А теперь попадались экземпляры и четырех, и даже пяти метров в высоту. Или сныть – прежде стелившаяся по земле мелкая безобидная травка – в нынешних условиях обзавелась крепким длинным стеблем, в считанные дни покрывая огромные площади. Или лопух – растение, раньше вовсе не считавшееся серьезным сорняком – теперь уходил корнями на метровую глубину и очень туго поддавался корчеванию.

Люди отчаянно боролись с сорняками. Их вырывали, вырубали, выкорчевывали. Елена Викторовна экспериментировала с ядами – Кирилл принимал участие в разработках. Но до сих пор не представлял, насколько жутко выглядят сорняковые заросли.

– Это – везде так?

– Что?

– Ну, вот... Крапива, лопухи. Такие огромные?

Рэд пожал плечами.

– Да чем они огромные? Говорю тебе, и здоровые бывают. Да хрен с ними, они безобидные. А вот дальше борщевик пойдет – это да.

Борщевик – опасное, ядовитое растение, вспомнил Кирилл. Он и до того, как все случилось, доставлял людям немало неприятностей, а сейчас повадился вырастать выше семи метров и до двадцати сантиметров – в диаметре ствола. Сок растения при попадании на кожу вызывал тяжелейшие химические ожоги.

– А... разве борщевик здесь растет?

Спрашивая, Кирилл имел в виду регион в целом.

Елена Викторовна в своем рассказе упоминала борщевик, но он тогда почему-то думал, что произрастает эта пакость далеко отсюда. Кирилл тогда про многие вещи так думал. А Рэд понял вопрос буквально.

– Здесь – почти нет. Вот дальше, ближе к Владимиру – там начнется! Звездец, какие дебри. Толяна бойцы каждый день с ними долбят. Вырубят, а через неделю на том месте – уже опять по пояс. И Толяновы-то – ладно, народу много, справляются. А Маринка в Вязниках реально вешается. Их там всего бойцов – двадцать человек.

Кирилл уже запомнил, что в терминологии адаптов «бойцами» именуют людей, приравненных по навыкам к ним самим. То есть, молодых и сильных ребят обоего пола, способных переносить утренние и вечерние часы без ущерба для здоровья. Население любого поселка измерялось прежде всего количеством таких «бойцов». Прочие жители – пожилые, калечные, плохо развитые физически – именовались «балластом» и в подсчетах не участвовали.

В момент, когда Кирилл это выяснил, ужаснулся. А потом с удивлением понял, что ужасается по привычке. На самом деле, рациональный цинизм адаптов пугал его все меньше. И многое в подобном отношении, как ни жутко было это сознавать, начинало казаться правильным... Кирилл попытался задуматься о том, что с ним такое происходит, но Рэд не дал.

Вообще, времени на задумчивость, которого в Бункере всегда было полно, здесь, в походе, не оставалось вовсе. Все силы разума уходили на насущные вещи – шагание по дороге, привал, еду, туалет – и времени катастрофически не хватало. Кирилл в каждую свободную минуту чему-то учился. А если учился недостаточно быстро, получал от спутников нагоняи. Задумываться не успевал.

Вот и сейчас, едва стоило уйти в себя, Рэд поймал его за рукав. Посреди дороги зияла расщелина с перекинутыми поперек досками.

– Рельеф гуляет, – пояснил Рэд, – покрытие село. Ты вот что... – они перешли расщелину по мосткам. – Сегодня мы еще на дороге спим, и завтра тоже. А послезавтра, если все нормально, во Владимир придем. Там у них главный – Толян. Сволочь редкая. Про Новосибир не в теме.

– Как – не в теме? – Кирилл недоуменно сдвинул брови. – Ему не рассказывали о миссии?

– Нет.

– Почему? Если этот Толян – глава поселка?

– Потому что козел он, а не глава! – немедленно разозлился Рэд.

Командир адаптов очень легко раздражался. И происходило это, как наконец-то понял Кирилл, от неумения объяснять.

Рэд оказался парнем далеко не глупым. Несмотря на заверения Любви Леонидовны в том, что все воспитанники Германа – беспамятные тугодумы, соображал он быстро и памятью отличался отменной. Но навыком передавать свои знания не обладал. Считал, что виновата в этом тупость собеседника и начинал злиться.

– У него бойцов – почти две сотни, и оружием все склады забиты. К нам не лезет только потому, что Евгений ваш предупредил – не дай бог рыпнется! Хрен ему тогда, а не лекарства и генераторные батареи. Это давно уже было, когда Толян в первый раз к Бункеру приперся – права качать, – пояснил открывшему рот Кириллу Рэд. – Евгений тогда так и сказал: будешь быковать – вообще ни шиша тебе не обломится! Я, говорит, тогда люк задраю, и мы тут еще сто лет просидим без печали, хоть на нас атомную бомбу сбрасывай. А вот ты, козлина – ни фига не факт, что столько прокорячишься.

– Неужели Сергей Евгеньевич так сказал? – изумился Кирилл.

Представить себе бункерного главу, произносящего «ты, козлина» он категорически не мог. Рэд пожал плечами.

– Ну, может, не прямо так. Я-то не слышал, мы тогда мелкие были. Это Герман рассказывал.

– А зачем же этот Толян к Бункеру приходил? Что значит – права качать?

– Ну чего этот урод хотеть может? – снова рассердился Рэд. – Чтобы все на него впахивали на халяву! Он своих-то, кто вокруг, давно к рукам прибрал. Про нас, до самой Пекши, Евгений договорился, чтобы не лез. А кто рядом с Владимиром, тем деваться некуда. Все под гадом сидят и не чирикают. Дошло?

– Более-менее, – пробормотал Кирилл. – Диктатура какая-то.

– Ну, – обрадовался умному слову Рэд. – Я же и говорю. А еще Толян детей очень хочет. И жить подольше – по этой теме, говорят, вовсе двинутый, потому как старый уже. Но только наши все сговорились, чтобы, если будет лекарство, ему не давать. А если дать, то на особых условиях. – Рэд, похоже, произносил не свои слова, поэтому говорил важно и со значением. – Чтобы дети, например, в Бункере воспитывались. Чтобы была возможность Толяна конт-ро-лировать. Потому что – это все Евгений втирал – если его не конт-ро-лировать, то все закончится то-таль-тарным режимом. Это значит, дети Толяновы вырастут и начнут нами помыкать, как хотят. Потому что с лекарством им уже Бункер станет на хер не нужен, – пояснил он. – Ну? Теперь дошло?

– Да, – кивнул Кирилл. С некоторым все же замешательством.

В отличие от Рэда, трудные слова вроде «контролировать» и «тоталитарный режим» он знал. А вот представить себе человека, который – в нынешних-то аномальных условиях! – жаждал бы подобного режима с собой во главе – не мог.

Ведь людей на земле осталось ничтожно мало! Единственный разумный вывод из этого – тот, что каждый должен стремиться помогать другому. И вот, оказывается, существует некий – судя по словам Рэда, очень странный – субъект, мечтающий о вселенском господстве...

Кирилл, поразмыслив, решил, что командир несколько сгущает краски, но объявить это вслух не рискнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.